

The illustration features a young man with dark, spiky hair and a serious expression, looking towards a black wolf on the left. The wolf has glowing orange eyes and its mouth is slightly open, showing its teeth. They are positioned in front of a large, bright red full moon. In the background, a dark, gothic-style castle with multiple towers and spires is visible against a dark sky with a few birds flying. The overall color palette is dominated by red, black, and white, creating a dramatic and mysterious atmosphere.

Анаис Лисай

ВОЛЧИЙ ОТРОК

Поцелованный тьмой

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анаис Лисай

**Волчий отрок.
Поцелованный тьмой**

«Автор»

2024

Лисай А.

Волчий отрок. Поцелованный тьмой / А. Лисай — «Автор», 2024

Пастушьи трели, цветущие сливовые сады и страх, что сковывает сердце липкими руками. Такова жизнь в Залесье под управлением госпожи Эржебет, что прокляла душу, чтобы спасти свой жудец. Жестокосердная госпожа карает и дарует милость по своей прихоти. Люди боятся её, но не Михей. Михей верит, что он её волчий отрок из пророчества и их встреча принесёт благо всем. Но как объяснить это вечно пьяному отцу и братьям-тиранам? Никак. Стоит ему заикнуться о волчьей участи, как отец даёт смачную затрещину. В лучшем случае. Но всё меняется, когда в деревню приезжают люди госпожи, чтобы забрать по одной девочке из каждой семьи. Это шанс для Михея, и он им воспользуется. Но готов ли он принять то, что уготовано ему волчьей участью? Готов ли к встрече с госпожой? Или ноша окажется сильнее и ломает? Пойдёт ли он на всё, чтобы стать истинным волчьим отроком? Первая книга дилогии.

Содержание

Пролог	5
Глава 1.	13
Глава 2.	27
Глава 3.	40
Глава 4.	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Анаис Лисай

Волчий отрок. Поцелованный тьмой

Пролог

– Ружа, что ты копошишься! – недовольно воскликнул Василе, держа младенца на руках. – Может, его в люльку положить?

– Нельзя, – крикнула женщина из другой комнаты.

– Или платок в цуйке смочить и дать пососать? Взгляд у него недобрый. – Он уставился в скрюченное и напряжённое лицо младенца и провёл перед ним двумя пальцами. Тот покраснел и истошно завопил, Василе тяжело вздохнул. – Ишь горластый какой... Всё тебе не нравится. Лишь бы у мамки титьку сосать... Ружа!

– Да иду я, – прикрикнула она. – Ничего нельзя поручить тебе, Василе.

Он тяжело вздохнул, покачивая ребёнка, который всё никак не успокаивался. За что Босора послала это сущее наказание? Вот его старшие братья такими не были – Лучиан и Георге всегда были послушными, смыслёнными, тихими и взрослыми.

Василе присмотрелся, ища черты, которые бы напоминали его. Хмурится младенец – прямо вылитый он. Или он просто хочет верить в это?... Невыносимо...

– Лучиан! – закричал Василе, пытаюсь перекричать вопль младенца.

В проёме показался мальчишка семи лет – его карие глаза с опаской и долей тщательно скрываемого любопытства уставились на отца.

– Что стоишь как истукан? Подойди, – рявкнул Василе.

Лучиан робко приблизился.

– На, – протянул Василе свёрток с крикуном, – держи крепко, чтоб не упал. А то окаянная тебя утащит. – Он пригрозил пальцем сыну.

Лучиан прижал свёрток к груди, будто не держал ничего ценнее в своей жизни.

– Чтобы не было, как с Георге, – зачем-то добавил Василе, выпрямляясь и расправляя спину.

Лучиан побледнел, слившись с белыми стенами, его пальцы крепкой хваткой впились в свёрток. Его младший брат пискнул, в звуке смешались негодование и возмущение от такого обращения, и, на удивление, успокоился. «Слава Босоре!» – подумал Василе и вскинул руки к небу. Он отошёл от сыновей и уселся на скамью, стоящую вдоль стены под маленьким квадратным окном, из которого даже в погожий день не дождёшься хоть мало-мальского света. Василе облокотился на стену и осмотрелся: его взгляд упал на стол, застеленный льняной скатертью. Кант был вышит красными шерстяными нитями, повторяя знаменитый залесский мотив – угловатый рисунок, изображающий маки с листьями. Почему к макам добавили листья, Василе никогда не понимал. На столе стояли стакан воды и рюмка цуйки, в миске лежал свежеспечённый хлеб – дары для урситоареле, которые могли бы умаслить высшие силы. Василе вздохнул и взял край скатерти, провёл по нему рукой, пытаясь разобрать узор. Увидеть что-то в полутьме комнаты, освещённой тремя свечами, было невозможно. Он нахмурился, прощупав изнанку, – нити были убраны без должного усердия и торчали безобразно, обличая свою нерадивую хозяйку. Ружа могла бы и лучше постараться, готовя парадную скатерть, как-никак у неё было почти девять месяцев, чтобы вышить её. Василе запнулся о мысль, вспомнив, как проходила беременность – а ещё важнее, – что ей предшествовало. Рука непроизвольно потянулась к рюмке с цуйкой.

– Да как ты можешь, изверг этакий, – сказала Ружа, ударив его по рукам. – Это дары для урситоареле. Хочешь, чтобы сыну нашему беду накликali? Не желаешь для него лучшей участи?

– Лучшей? – Василе усмехнулся. – А может ли она у него вообще быть после... – Он запнулся и отвёл взгляд, рука упала рядом с рюмкой. – Ружа...

Ружа замерла, но это оказалось мнимым затишьем, которое тут же разразилось бурей.

– Что, Ружа? – Ему пришлось поднять взгляд на неё, в ярко-голубых глазах горел гнев. – Не первый год Ружа, но научить тебя порядкам всё не могу. За что мне, Босора, это наказание! – Она ловко заставила стол плошками с угощениями: от запечённой свинины валил пар, красный лук поблёскивал от укуса, а солёные огурцы так и просились в рот.

Василе сглотнул, ощущая отвращение. Кусок явно не лез ему в горло, но это и хорошо. Негоже зариться на дары для урситоареле. Беду накличешь. Он бросил взгляд на мясо и усмехнулся. Семья ела его последний раз несколько недель назад, но Ружа для даров всё-таки припасла свинину. Она явно пытается замолить свои грехи перед высшими силами.

– Не слишком ли ты стараешься? – прищурившись, спросил Василе. – Оставила бы мясо для Лучиана и Георге, а то парни исхудали.

– Ой ли. Раньше я не замечала особой заботы о них с твоей стороны. – Ружа бросила быстрый взгляд на стол. Убедившись, что всё именно так, как планировала, она подбоченилась и вздёрнула острый подбородок.

– Побойся Босоры, женщина! – Василе ударил кулаком по столу, так сильно, что посуда задрожала и разразилась протяжным звоном. – Я всегда за своих, – он выделил слово голосом, – детей горой.

– Раз так, то Михай должен получить такую же церемонию, как и у старших братьев. Ты же горой за своих детей.

Василе хмыкнул, отмечая, как она изменилась в лице – натуральная преступница, которая пытается скрыться за напускной заботой о детях.

– Вот именно. За своих, – прошептал он под нос.

– Ты опять? – Ружа схватила полотенце, лежащее на столе, и стала тереть его в руках. – Я покаюсь перед тобой и Босорой. Что ещё мне делать прикажешь?

– Принеси жертву Талту.

– Может, ещё и окаянной, чтобы меня в ведьмы записали? Такой судьбы ты мне желаешь?

– Талта у нас почитали наравне с Босорой, как и в Империи. Да и я слышал, что в соседних жудецах его стали вновь почитать.

– Когда их захватил Девлет. – Ружа покраснела. – Талт бросил Босору на произвол судьбы и сбежал к окаянной. Это всем известно...

– Так деды наши ещё Талту и Босоре поклонялись. А вот пришли эти бабы из Тори, и понеслась. – Василе хмыкнул. – Лет шестьдесят, как забыли Господина, а госпожа Эржебет только усилила это разделение. Не думала, что ей это выгодно, чтобы власть удержать? – Василе вновь хмыкнул. – Марежуд Седмиградья без семи жудецов. Лучше бы нами правил жуд Залесский, чем эта ведьма бессмертная. Он хотя бы настоящий правитель Залесья...

– Госпожа Эржебет пожертвовала своим мужем, чтобы спасти Залесье от султана и императора. Не думал, чего ей это стоило?

– А Седмиградье не уберегла! Добром это не кончится. Вот увидишь! – Василе скрестил руки на груди. – Продала свою душу, стала одержима. Такого правителя ты бы нам хотела?

– Мне вообще всё равно. Лишь бы не трогали! – Ружа вскинула к небу руки. – Не ты сидел и ждал, пока супруг с войны вернётся. Я сама старших без тебя растила. И что? Дальше бы воевал, пока не убили? Уж лучше такое спасение.

– Хочешь сказать, что это спасение? – Василе скрестил руки на груди. – Каждый год мы платим оброк госпоже, жуду и султану и еле-еле сводим концы с концами. Вот лучше бы ты со мной ушла в Подгорье. Жили бы, как все в Седмиградье.

– Под властью наместника султана? Ты этого хотел бы? – Ружа схватила полотенце с двух концов и вытянула его. – И чтобы мы делали? Бродили бы по Седмиградью и побирались в поисках работы? – Ружа в голос засмеялась.

– Да если и так, хоть платили бы только султану, – пробурчал Василе себе под нос. – И ведьму бы не почитали. Доброе ли дело, что госпожа Эржебет бессмертной стала. Беда Залесью от этого будет!

– Не думала, что ты такой поборник благополучия Залесья...

– В Седмиградье хотя бы на сыновей жудов есть управа, не как у нас.

Ружа застыла и побледнела. Страх быстро появился на её лице. Его слова дошли до неё.

– Где Михей? – выпалила она.

Василе нахмурился – не этого он ожидал от виновной жены. При чём здесь младший отпрыск?

– Он здесь, маменька, – выпалил Лучиан, вскакивая со скамьи.

Он сделал это так резко, что младший брат проснулся и заплакал. Снова.

– Ты что в углу таишься словномышь? – грозно спросил Василе. – Подслушивал, значит. – Он уставился на сына, тот нервно сглотнул. – Вон брат из-за тебя опять ревет...

– Из-за него? – Ружа покраснела, ноздри раздулись. Натуральная бестия. – А не ты ли, Василе, должен был сына нянчить, пока я готовила дары?

– Лучиан без дела слонялся, – буркнул он.

– Да что Лучиан, что Георге – всегда без дела. – Она подбежала к сыну, подхватила младенца и начала укачивать, мягко улыбаясь. – Год как вернулся, а слова ни разу им ласкового не сказал.

– Ты слишком нянчишься с ними. Вырастишь сопляков – от юбки не оторвать будет. А если война?

– Ну, поглядим, – Ружа усмехнулась. – Уж душевней тебя будут – и то славно. – Она быстро оглядела комнату, её глаза округлились. – Лучиан, где твой брат? – выпалила она на одном дыхании.

– У тебя в руках, маменька, – смотря в пол, ответил он.

– Не Михей, а Георге! Где он? Василе, – она уставилась на мужа, глаза горели огнём, – где твой средний сын?

– Ну, он... Наверное, – Василе почесал затылок, вспоминая, когда видел Георге. – Да он с Лучианом был. Бьюсь об заклад. – Он ударил себя по лбу.

– Лучиан! – строго сказала Ружа. – Где Георге?

– В саду. – Лучиан продолжал рассматривать носки лаптей из кожи.

– Подними глаза, когда с матерью разговариваешь. – Ружа ловко схватила его за подбородок. – Не отводи взгляда. В сливовом саду? – Лучиан закивал. – И что он там делает?

– Играет в прятки, – выдохнул он, – а я вожу. Маменька, он за мной везде хвостом ходит. Я устал от него. Теперь ещё и с Михеем нянчиться надо...

– И поэтому его надо было перед закатом в саду оставлять? Окаянная вас дери.

Ружа отпустила подбородок сына. Он стал растирать покрасневшую кожу, в глазах стояли слёзы. «Да и поделом ему будет. Нечего мать так изводить», – подумал Василе. Жена повернулась к нему. «Не к добру это», – пронеслось в его голове.

– Что сидишь, Василе? Хватай Лучиана и иди искать Георге. Мне два раза повторять?

– Да понял, я понял, – сказал Василе, вставая со скамьи. – Пошли, дурень. Вечно от тебя одни проблемы.

Он подошёл к сыну и вlepил ему подзатыльник. Лучиан подавил всхлип и потёр место удара, скрывая боль. Василе обернулся – Ружа положила Михея в люльку, закреплённую к балке, и, напевая под нос, продолжила накрывать стол для урситоареле. А он, значит, должен его был всё это время держать. Мерзавка! Думала, что так он к нему проникнется? Его так просто не проведёшь.

Василе вышел из белого глинобитного дома, который он вместе с отцом Ружи построил, когда они поженились, и глубоко вздохнул. Сладкий запах цветущей сливы ударил в нос, навевая воспоминания о том, как он с Ружей миловался под деревьями, валяясь на белом покрывале из лепестков, путающихся в её тёмно-каштановых косах. Тогда она была и ласковее, и мягче, и заботливее. Тогда она была только его... Не то что теперь...

Лучиан почти бегом вёл его по тропинке в сторону сада. Движения были дёргаными, а плечи – напряжёнными. Василе даже пришлось прибавить шаг, чтобы не отстать от сына.

– Георге, – нараспев кричал Лучиан, подзывая брата. – Георге, где ты? Я сдаюсь, ты победил.

– Георге, – вторил ему Василе, а по спине бежал холодок.

Когда они добрались до сливового сада, сумерки легли на деревню. Василе выругался про себя, понимая, что лампу второпях не прихватили они. Главное, чтобы Ружа не узнала, а то на смех его поднимет. Ей бы только повод дать. Неужели это случилось после... Он покачал головой – это сейчас дело десятое. Нужно найти мелкого Георге, притаившегося среди деревьев. Но как?

– Где ты оставил его, бестолочь этакая? – спросил Василе, оглядывая сад; запах цветов пьянил не хуже цуйки. – Вспоминай.

Он занёс руку, чтобы отвесить ещё один подзатыльник, но Лучиан отпрыгнул. Василе махнул и подался вперёд, теряя равновесие. Окаянная! Ловкий какой.

– Зараза! Где твой брат?

Лучиан резко заморгал и нахмурился, на лбу залегли морщины. Василе видел, что он хотел возмутиться, как обычно делала его мать, но не стал. Вместо этого он развернулся и побежал вдоль деревьев с криками в поисках Георге.

– Куда ты, дурень? – крикнул ему вслед Василе, Лучиан быстро удалялся от него. – Куда мне теперь идти?

Василе почесал затылок и осмотрелся: сливы цвели буйно, вот бы и плодоносили они так же. Урожай обещал быть большим: они смогут и оброк заплатить, и засушить слив, и повидла наварить, и цуйки нагнать, и даже продать. Год обещал быть хорошим, только бы Георге с Лучианом не напортачили. Да и сын жуда бы держался от них подальше... Тогда к ним вернутся мир и спокойствие.

Василе увидел ящик, стоящий под деревом. Его лицо преобразила довольная улыбка. А он и забыл, что припрятал здесь бутылку выдержанной цуйки по особому рецепту прапрадеда, который передавался из поколения в поколение. Василе подошёл к ящику, стянул крышку – внутри стояла возжеленная бутылка с янтарной жидкостью. Он облизнулся, схватил бутылку и тут же откупорил её.

Голос Лучиана уже звучал где-то далеко, а он мог думать только о жидкости, наполняющей его лёгкостью и радостью, которых ему так не хватало уже несколько лет. С каждым глотком печали уходили – цуйка с лёгкостью уносила тревоги и обиды. Ведь если подумать, то Ружа и не виновата вовсе. Она всё ещё его Ружа. Трепетная и нежная, но в то же время сильная. Василе мечтательно улыбнулся, представляя её. Воображение подкидывало образ молодой Ружи, настоящей, той, какой она была восемь лет назад: мягкая кожа без изъянов, лёгкий и весёлый нрав, прекрасные вьющиеся волосы. Той, которая всецело была только его. Он увидел руки, что ласкали её, но они были не его.

Василе с горя отхлебнул ещё цуйки. Жидкость больше не радовала, а больно обжигала. На глаза навернулись слёзы. Он быстро стёр их и поперхнулся – перед ним стояла великолепная женщина в окружении его сыновей и вооружённых слуг. Свет от факелов освещал её, демонстрируя красоту. У неё была бледная кожа, которая будто светилась изнутри. Чёрные волосы собраны в высокую причёску. Голубые глаза наполнены обещаниями, от которых Василе громко сглотнул. На женщине было алое бархатное платье, подчёркивающее грудь и талию, показывающее слишком многое для зевак, похожих на него. Вот бы уткнуться в ложбинку между грудей и никогда её не покидать. Так бы он мог отомстить Руже за её...

К женщине подошёл Влад Залесский – сын жуда Залесья, первого советника госпожи Эржебет и хозяина Драгоста с Клушарадом. Ненавистный Влад. Мелкий щенок, которому только стукнуло двадцать лет. Василе не смел поднять на него взгляд, но знал, что увидел бы довольное лицо с издевательской ухмылкой, что так сводила с ума всех местных женщин. Интересно, знал ли Влад, кто он такой? А помнил ли он Ружу? Зачем ему вообще была нужна замужняя женщина? Ещё и старше него? Василе крепко сжал кулаки и поднял взгляд: женщина – видимо, госпожа Эржебет, – изучающе смотрела на него. Что они оба забыли в Драгосте?

– Эти мальчики сказали, что ты их отец, – сказала госпожа Эржебет, её голос лился как мелодия флейты. – Это правда?

– Да, госпожа. – Василе закивал и раскрыл объятия детям.

Георге с опаской поглядел на него, Лучиан толкнул его в спину, показывая, что нужно идти к отцу.

– Он толкается, папенька, – хныча и потирая глаза, сказал Георге.

Средний сын весь измазался и выглядел паршиво – Руже это не понравится.

– Спасибо, госпожа, что нашли моих сорванцов. – Василе обнял сыновей. – Я их уже обыскался.

– Так сбился в поисках, что решил отдохнуть с цуйкой? – Госпожа Эржебет скрестила руки на груди.

– Его можно понять, тётушка, – заметил господин, рассматривая внимательно ногти. – Цуйка в Драгосте лучшая во всём Залесье.

– Поэтому можно детей без присмотра оставлять? Я тебя правильно поняла, Влад?

Он поднял на неё взгляд и, самодовольно улыбаясь, сказал:

– Нет, нельзя. Босора не потерпит, чтобы дети и женщины оставались без защиты. Но цуйка у нас лучшая. С этим грех спорить.

– Это речи не Босоры, а окаянной. – Госпожа Эржебет усмехнулась, обнажая оскал. – Но раз так, то угости меня *моей* лучшей цуйкой, – обратилась она к Василе.

Василе непонимающе переводил взгляд с Влада на госпожу Эржебет, не зная, что делать. Дети крепко вжались в него, не давая пошевелиться. Он неуверенно протянул руку. Влад, явно раздражённый, схватил бутылку и передал госпоже Эржебет. Она взяла её и сделала большой глоток. Василе с жадностью смотрел, как губы прикасаются к горлышку, которое только что было у него во рту. Он сглотнул.

– Правда, неплохо, – сказала она, протягивая бутылку Владу. – Но я предпочла бы вино.

– Вы просто не привыкли, тётушка, – Влад сделал большой глоток и выбросил бутылку в траву.

Василе с грустью наблюдал, как заветная янтарная жидкость растекалась по траве. Сердце защемило.

– Так почему дети без присмотра шатаются в саду в столь поздний час? – спросила госпожа Эржебет. – А если бы на них напали волки?

– Простите, госпожа. – Василе выпутался из объятий сыновей и пал ниц. – Прошу прощения, госпожа и господин. Сын решил подшутить над младшим братом...

– Избавь меня от своих объяснений. Ты жалок. – Она усмехнулась. – Чтобы с тобой сделать?

Василе сжал клочок травы, сетуя, что ему так не повезло с детьми. Госпожа Эржебет славила суровым нравом. Её боялись. Поговаривали, что из-за окаянного духа, что поселился в ней, она пила кровь и купалась в ней. Что тогда она могла сделать с ним, простым деревенским мужиком, чья вина была в том, что породил двух дурней.

– Поднимись, – рявкнул Влад, пнув его в бок. Василе подавил всхлип. – Лучиан сказал, что вы готовитесь к приходу урситоареле. Госпожа желает посмотреть на это. Веди нас.

– Да, благодетели. – Василе вскочил и схватил сыновей за руки. – Следуйте за мной, милостивые государи.

Путь до дома пролетел незаметно – Василе пытался не представлять, какой крик поднимет Ружа, когда увидит саму госпожу Эржебет. Но хуже было то, что Влад шёл с ними. А может это и к лучшему? Тогда он точно сможет уличить нерадивую жену. Или нет? Лучше не думать об этом, а представить, как он будет хвастать знакомством с госпожой перед другими мужиками. Он усмехнулся, а они припомнят ему, что Влад *знаком* с Ружей. Как ни крути, дело – дрянь.

– Ждите здесь, – бросила госпожа Эржебет охране, когда они очутились перед домом.

– Милости просим, госпожа, – сказал Василе, кланяясь и пропуская её вперёд. За ней тут же прошёл Влад.

Василе вздохнул, что он мог сделать своему господину? А Ружа могла ли?.. Конечно, могла! Дрянь такая. Оказалась не лучше дворовых девок.

– Здесь налево, но пригнитесь. Дом у нас простенький, но чистый. Прошу, – распинался Василе перед гостями.

Лучиан и Георге безмолвно, как мыши, проскользнули в правую комнату, где стояла печь.

Комната, которую готовили к таинству, погрузилась во мрак, который безуспешно разгоняли три свечи. Ружа сидела на скамье у стола, кормила грудью Михея и напевала под нос. Сердце Василе сжалось, когда он увидел, с какой любовью она покачивала младшего сына. Никогда она так не относилась к старшим мальчишкам. Вот оно доказательство её лживой натуры!

Ружа вскрикнула, увидев гостей.

– Прикройся, женщина! – прикрикнул Василе. Злее, чем ему хотелось бы. – Это жена моя Ружа, а это госпожа Эржебет и господин Влад.

– Госпожа. Господин... – промямлила Ружа, отнимая Михея от груди. Она густо покраснела и опустила взгляд в пол. На мгновение Василе показалось, что она сжалась, но он был уверен, это просто показалось.

Младенец недовольно зашевелил губами и разразился громким плачем. Василе вскинул руки, проклиная окаянную. Какой же он шумный!

– Какой сильный ребёнок, – сказал Влад, подходя к Руже. От Василе не скрылось, с какой похотью он смотрел на обнажённую грудь его жены, будто она была его собственностью, а не Василе.

– Такая нестигаемая воля, – заметила госпожа Эржебет, не обращая внимания на Влада. – Что же тебе приготовили урситоареле?

Госпожа Эржебет протянула руки, чтобы взять младенца. Ружа покраснела, но отдала его, затем отвернулась и поправила рубаху. Влад разочарованно выдохнул и стал осматриваться, не скрывая презрения к их простому жилищу. Василе стало обидно за их дом.

В руках госпожи Эржебет Михей на удивление успокоился: он перестал плакать и теперь внимательно смотрел на неё. Она мягко улыбнулась ему.

– Как славно вы с ним управляетесь, госпожа, – заметил Василе восхищённо. – Мне бы вашу сноровку.

Госпожа Эржебет хмыкнула, пропуская мимо ушей его слова. Она бросила взгляд на стол и удивлённо сказала:

– Книга для даров? Как необычно. Вы хотите, чтобы урситоареле даровали ему тягу к знаниям?

– Да, госпожа, – сказала Ружа и опустила голову. – Я верю, что ему уготовят лучшую судьбу.

Она подняла взгляд на Влада, а Василе усмехнулся. Бесстыдница!

– А пока она у него плохая? – спросил Влад, не сводя взгляда с Ружи. Он прожигал её насквозь. – Думаешь, что урситоареле смилуются над ним и изменят полотно его судьбы?

– Это возможно, Влад, – заметила госпожа Эржебет. – Они же слуги Босоры, а она восприимчива к просьбам матерей.

– Но защитить их не может. – Он усмехнулся. – Зачем книга для даров?

– Чтобы Михай дураком не был, – ответила Ружа.

– Как его отец? – Влад усмехнулся и отвёл взгляд.

Василе крепко сжал кулаки, пытаясь подавить гнев, который вызывал в нём Влад. Он сможет выбить всю дурь из жены позже, когда они уйдут. Погоди ещё, Ружа.

– Главное, чтобы волчью участь ему не нагадали, – сказал Василе. Все взгляды обратились к нему. Он слотнул, не зная, что делать с этим вниманием.

– Почему же? – строго спросила госпожа Эржебет. – Волчий отрок – спаситель Седмиградья.

– Иль спасение? Иль гибель? – процитировал Василе пророчество о волчьей участи. – Там же прямыми словами говорят, что ничего хорошего нас не ждёт.

– Это так типично для мужика бояться всего неведомого и непознанного, – Влад усмехнулся и бросил взгляд в проход. – Но тебя понять можно: волчий отрок принадлежит госпоже. А тебе работники нужны для хозяйства.

– Работники? – госпожа Эржебет усмехнулась. – Но отрок мой...

– Почему, госпожа, вы так вцепились в это пророчество? – продолжил Влад. – Вам мало лидера, живущего в вас? Он помог вам захватить Залесье...

– Твой дед пустил меня в Залесье, как марежуда. Довольствоваться им одним я не буду...

– Так зачем остановили войну два года назад? С вашей силой можно было отбить Седмиградье...

– Влад, ты слишком молод и ничего не понимаешь... С волчьим отроком я буду сильнее.

– Михай точно не волчий отрок, – вмешался Василе. – Вам не придётся его забирать.

– А если бы был, – задумавшись, сказал Влад, – то в дарах бы нашли волчью шерсть, я думаю...

– Кто знает, – госпожа Эржебет пожала плечами. – Возможно, Василе, Босора тебя услышит. – Она усмехнулась, всматриваясь в лицо младенца. – Время позднее. – Она протянула ребёнка Руже. – Нам с Владом уже пора. И так задержались в Драгосте. Поздравляю с младенцем. Он чудесный. – Она повернулась, чтобы уйти.

– Госпожа, – почтительно сказала Ружа; госпожа Эржебет остановилась, Влад внимательно посмотрел на обеих, – вы не оставите какой-нибудь дар? Это был бы оберег для Михея.

– Дар? – Она задумалась. – Почему бы и нет.

Она развязала красную атласную ленту с запястья и протянула ей. Ружа почтительно поклонилась госпоже и положила ленту к книге. Влад внимательно наблюдал за этим, не проронив ни слова.

– Благодарствую, госпожа.

– Да хранит нас Босора. – Госпожа Эржебет дотронулась до левого плеча и наклонила голову.

– Воистину, – вторили ей Влад, Ружа и Василе, повторяя за ней движения.

Василе пошёл вперёд, чтобы показать путь из их дома. В коридоре он увидел, как Лучиан быстро скрылся в комнате, где прятался с братом. Негодник. Опять подслушивал. Надо бы его хорошенько за уши отодрать, чтобы неповадно было так себя вести.

Госпожа Эржебет вместе с Владом покинули дом. Василе ещё несколько раз поклонился им, выражая глубочайшее почтение, а про себя думая, что они ещё легко отделались. Дождавшись, что их фигуры скрылись вдаль. Он захлопнул дверь и пошёл к Руже, которая как ни в чём не бывало покачивала на руках Михея, тихо посапывающего.

– Как развязно вела себя с госпожой! Выпросила ленту для ублюдка. Оберег! Не подумала, что беду это принесёт ему? Ты что не слышала, что рассказывают про неё?

– Недалёкие умы всегда болтают о сильных мира сего. Я хотела бы, чтобы Михей был таким. – Ружа положила младенца в люльку.

– Какая забота! – Василе хлопнул в ладоши. – А не потому ли, что он господский выродок? Он явно пялился на тебя, сука.

– Вот как ты заговорил! – Ружа тяжело задышала, борясь с гневом, и схватила полотенце, лежащее на столе. – Иди и в хлеву с овцами ночуй. Пошёл вон, раз сына своего не признаёшь. – Ружа хлестала его.

– Вот нагадают ему волчью участь, – Василе ретировался к выходу, – вот и посмотрим, кто прав был.

– Пошёл вон. Проспись. От тебя цуйкой несёт. – Поток ударов не ослабевал, Ружа вытолкала его на улицу.

– Злюка, – бросил Василе и сплюнул.

В коридоре он снова наткнулся на Лучиана.

– Чего уставился? – прикрикнул он на сына.

– Ничего. А что это за волчья участь? – спросил он.

– Спать иди. – Василе махнул на сына.

– Если её нагадают Михею, то его отдадут?..

– Сказал же – спать иди. – Он толкнул Лучиана в комнату, а сам вылетел на улицу.

Дверь за ним громко захлопнулась – Ружа закрыла её на засов, чтобы он ночью не вернулся. Василе вздохнул, сетуя на свою судьбу. Вот угораздило его так жениться. Он запрокинул голову и посмотрел на небо – сквозь тучи пробивалась кровавая луна. «Не к добру. Не к добру это. Волчья участь заготовлена Михею», – подумал Василе и пошёл в хлев.

На следующее утро среди даров урситоареле они нашли волчью шерсть.

Глава 1.

Пушистые белые облака заволокли горизонт. Ещё чуть-чуть и они опустятся на горы, чтобы скрыть за собой зелёные вершины. Михей внимательно наблюдал за ними, пытаясь представить, откуда и куда они держали свой путь, сколько они видели всего. Дул восточный ветер, подгоняя облака, – они медленно и неповоротливо подчинялись его воли, податливые и послушные, как крестьяне Драгоста, пресмыкающиеся перед жудом, марежудом и султаном и неспособные изменить свою жизнь хоть на толику. Они все просто плыли по течению, не желая изменить ход своей судьбы.

Михей вздохнул и ощутил, как воздух наполнился сладким запахом цветов – весна всецело захватила власть над природой, готовясь передать бразды правления лету. Глаза разбегались при виде жёлтых, розовых, белых, голубых и фиолетовых цветов, что плотным ковром застелили склоны холмов. Его взгляд упал на отару, вальяжно пасущуюся на изумрудном лугу. Он присмотрелся, выискивая вещую овечку, негласного лидера, ведущего стадо. Её всегда отличало спокойствие, но при этом некоторый стержень, который не подчинялся воле других. Вещая овечка сама выбирает направление, которому придерживаются остальные. Она не просто ведомая. Она ведёт остальных. Она сила, о существовании которой не подозревают, но которой все подчиняются. Она особенная. Но ещё более особенный тот, кто может её отыскать среди одинаковых плюшевых облаков, скупаясь жующих траву.

Взгляд Михея блуждал по отаре, пробегая от одной овцы к другой. Слишком медлительна. Двигается за другими. Одиночка. Приговор каждой овце выносился за мгновение, он, не задумываясь, точно знал, что собой представляет каждая из них. За все годы, что Михей следил за стадом, он никогда не ошибался. У него был дар, который признавал даже его отец.

Михей победно ухмыльнулся – вот она. Никто бы не признал в этой овце вещую: она была мелковата и молода. Но кто, как ни Михей, знал, что внешность бывает обманчива. Василе и братья всегда удивлялись, как он находил вещую, а он толком не мог объяснить, чтобы его не посчитали сумасшедшим. Михей долго вглядывался в овец, пока не замечал золотое свечение, которое всегда отличало вещую. Расскажи он об этом кому-то – решат, что он якшается с ведьмами. Теперь слежка за всей отарой превратилась в легчайшую задачу: следуй за вещей – и ты не пропадёшь. Знай, чтобы Люпус подгонял отставших и слабых, но и сейчас это не нужно, они просто пасутся, наслаждаясь славной погодой после вчерашнего дождя.

Михей присвистнул, подзывая овчарку. На его зов прибежал огромный монстр, напоминающий всем видом настоящего волка. Люпус присел рядом и посмотрел на него внимательным взглядом тёмно-карих глаз. Михей погладил пса, зарывая пальцы в грубую, плотную серую шерсть. Люпус был подарком на крестере – церемонию взросления, проходившую с исполнением четырнадцати лет – пять лет назад. Получить щенка было хорошим знаком, но не такого, как Люпус, и не так. Василе хотел утопить его, так как их сука, по его мнению, спуталась с диким волчарой, от которого и понесла только одного щенка. От него Люпус и унаследовал мощь и схожесть с волками. Михей умолял Василе, и тот смиростивился и оставил щенка, но как подарок на крестере. Михей был несказанно счастлив, но позже старшие братья объяснили ему, что Василе считает Михея таким же ублюдком, как Люпуса. Он не хотел верить в это, но в этом всё были зёрна правды. С тех пор многое в его отношениях с Василе стало понятнее. Люпус же стал лучшим другом Михея.

– Вот ты где! – за его спиной раздался девчачий голос.

Он обернулся и увидел младшую сестрёнку, Инию. В руках она держала большую корзинку, которая перевешивала тринадцатилетнюю девчонку. Каштановые волосы были собраны в две косы, с вплетёнными синими лентами, подчёркивающими её большие глаза. Из всех детей их семейства только Иния имела голубые глаза, как у матери, напоминавшие глубокие озёра. У

Михея они были тёмно-карие, практически чёрные, которые были не похожи на ореховые глаза трёх братьев. Глядя на него, Василе каждый раз про себя – что не мешало Михею слышать его – поминал Босору, что означало, что он снова им недоволен. Про Инию и других братьев Василе такого никогда бы не сказал.

Рядом с Инией стояла Тиранда – соседская девчонка шестнадцати лет, светловолосая и зеленоглазая. Михей никогда не понимал, зачем взрослой девице общаться с малолетней. Тиранда улыбалась ему во весь рот, показывая щербинку между передними зубами. Его всегда удивляло, что она не стыдится её и не пытается спрятать ото всех.

Иния поставила корзинку рядом с Люпусом и уселась на камень. Тиранда осталась стоять, подставляя лицо солнечным лучам. Пёс радостно ласкался, по очереди облизывая руки каждой. Для грозы волков он выглядел слишком беспечным.

– Жарко сегодня, – сказала Иния, отгоняя Люпуса. Он послушно уселся рядом с Михеем и больше не лез к девочкам. – Маменька передала тебе крынку жинчицы – свежей, только сегодня сняли сыворотку с овечьего сыра, – хлеба и яиц, а Тиранда приготовила лепёшек с зеленью. Попробуй – они ещё тёплые. – Она выпрямилась, явно гордясь тем, что они сделали.

– Нам пришлось бежать, чтобы они не остыли, – добавила Тиранда.

– Не стоило. Мне бы хватило и еды от маменьки. – Михей улыбнулся сестре, доставая лепёшку из корзинки.

Пёс заскулил, положил лапу ему на колено и наклонил голову набок, жалобно смотря на него. Михей усмехнулся, отломил половину лепёшки и дал Люпусу. Тот принялся радостно заглатывать её. Иния засмеялась.

Тиранда повернулась к Михею и внимательно уставилась на него. Ему показалось, что она замерла, ожидая, что он скажет про её стряпню. В руках она теребила край серого льняного передника.

– Конечно, стоило. Ты же четвёртый день на выпасе! Уже и забыл, какой на вкус бывает горячая еда, – сказала Иния улыбаясь. – Даже Люпус оценил наш дар!

На её пухлых щёчках появились ямочки, которые придавали ей вид милой куклы, что продают на городской ярмарке. Михей тут же вспомнил поездку семь лет назад. Они продавали цуйку, и Василе попытался выпить большую часть товара, когда посыльный сказал, что жуд Влад, новоиспечённый жуд Залесья, готов купить её всю. Из той поездки Михею хотелось помнить только куклу, которую он хотел подарить сестре, а не унижительную ночь в городской тюрьме среди всякого сброда.

– Я помогала с ними Тиранде.

– Вкусно, – сказал Михей, ощущая во рту сливочный вкус от щедро смазанного маслом теста и пряный от зелёного лука и кинзы. Тиранда отвела взгляд, Михей заметил, как её щеки заалели.

– То-то же. – Иния самодовольно фыркнула, повторяя манеру их матери. Казалось, что она не замечает смущения подруги.

– Так вы пришли, чтобы принести лепёшек? – спросил он, облизывая жирные пальцы. – Негоже девочкам ходить до луга без сопровождения. Отправили бы Думитру. Он скоро крепере пройдёт. Совсем взрослым будет.

– Мы же с Тирандой вместе. А ей уже шестнадцать! – Иния вскочила с камня и подбоченилась. Белое платье с широкими длинными рукавами развевалось на ветру. – Только из-за того, что мы девчонки, нечестно нам всё запрещать. – Она надулась, но подавила слёзы, гордо вскинув голову вверх. В такие моменты она сильнее всего напоминала их мать, никогда не позволяющую показать слабинку. – Я не боюсь волков.

Услышав слово «волк» Люпус настороженно встал и оглянулся.

– Михай говорит не про вол... них, – заметила Тиранда, опуская слово, на которое реагировал пёс. – Бояться надо мужчин, Иния, и то, что им может прийти в голову. – Она посмотрела внимательно на Михея. Он поёжился под её взглядом.

– Ещё чего! – сказала Иния. – Пусть они меня боятся. – Она подхватила ветку с земли и махнула ей, будто держала меч в руках. Люпус бросил быстрый взгляд на Михея, прося его разрешения поиграть. Он кивнул. – У меня четверо братьев, я знаю, как найти управу.

Она ударила по кусту, росшему рядом с Михеем. Тот покачнулся. В этот момент Люпус схватил ветку, вырвал её из рук Инии. Она вскрикнула и тут же заливисто засмеялась, а Люпус улёгся на землю и, зажав добычу между лап, принялся довольно грызть её.

– Я хотел сказать, что волки – это не самое страшное, что водится в чаще. – Михай почесал затылок, не сводя взгляда с Тиранды. Она хмыкнула и скрестила руки на груди.

– Расскажи! – сказала Иния, отходя от пса.

Её глаза заблестели от любопытства; она прильнула к ногам Михея, приготовившись внимательно слушать. Тиранда, тяжело вздохнув, села рядом с ней.

Иния обожала истории, которые Михай находил для неё. Он пересказывал ей сюжеты из книг, которые успевал прочитать в книжном магазине, когда он с Василе и братьями ездил торговать в город, предания односельчан и то, что он узнал в школе при храме. Иния с жадностью была готова поглощать истории, лишь бы узнать о мире больше, чем положено девчонке. Её любопытство было заразительным, поэтому Михай тщательно расспрашивал людей и старался запомнить как можно больше деталей.

– В лесах и реках обитают иеле, – доверительно повёл рассказ Михай. – Прекрасные девы, с тонким станом, белоснежной кожей и тёмными волосами до пояса, которые они никогда не заплетают в косы, а на спине у них крылья.

– Не очень практично, – заметила Тиранда.

– А крылья как у бабочек? – глаза Инии блеснули от восторга.

– По форме, но прозрачные как у стрекоз, – продолжил Михай, заметив, как Тиранда закатила глаза. – В них ещё солнечные лучи играют, и можно увидеть радугу.

– Как красиво! А чем они занимаются? Летают и собирают нектар?

– Да, летают по ночам, а ещё поют и танцуют. Но нужно быть осторожным, если они повстречаются тебе.

– Почему? – Иния наклонила голову и прикусила губу. – Они же такие прекрасные...

– Они схватят тебя и утащат танцевать. – Тиранда повалила Инию и защекотала. Луг наполнился девичьим смехом. – И затанцуют до смерти.

– Хватит дурачиться, – вмешался Михай. – Совсем как маленькие.

Тиранда замерла, что позволило Инии повалить её на землю и схватить за руки. Её волосы выбились из кос, и пара прядей упала на лицо. Она сдула прядь, которая лезла в глаза, и улыбнулась.

– Я победила, – заключила Иния.

– Хватит, – сказала Тиранда, выбираясь из-под неё. – Слезай, а то мы точно дети.

– Ты первая начала! Михай, она же это начала.

– Главное, что я это закончила.

Иния показала ей язык и, насупившись, уселась рядом с Михеем.

– Так что от иеле надо держаться подальше, – подытожил он, стараясь вернуть девчонок к хорошему настроению.

– Смерть от танца... Звучит красиво, – заметила Иния, смотря вдаль.

– Ничего красивого в смерти нет, – сказала Тиранда. – Любая смерть – это просто конец.

– Но мы всё равно все умрём. – Иния вскинула руки. – А ты что думаешь, Михай?

– Вечная жизнь выглядит притягательнее...

– Как у госпожи Эржебет?

– Это может быть очень одиноко, – сказала Тиранда. – Ты живёшь, а любимые и близкие умирают...

– Поэтому я бы хотел, чтобы и моя возлюбленная вечно жила со мной. Вот это было бы прекрасно, а не смерть от танцев.

– Так ты влюблён в госпожу? – Иния вскочила на ноги и подбоченилась. – Хочешь с ней рядом бессмертным быть?

– Иния, не говори глупости. – Михай почувствовал, как щёки загорелись. – Где я, а где госпожа...

– Это не мешало бы тебе её любить, – тихо сказала Тиранда. – Любим мы и без надежды на взаимность. – Она тяжело вздохнула и отвела взгляд.

– Точно! Втюрился в госпожу. Но ты же никогда её не видел. – Иния нахмурилась.

– Ты не права! Я видел её два раза. Первый – младенцем. Она ещё мне ленту свою подарила. – Михай закатал рукав рубашки и показал, что левое запястье плотно сжимала красная бархатная лента – его самая большая драгоценность.

Тиранда и Иния приблизились к нему и стали рассматривать её. Они осторожно провели по ней, будто пытались запомнить каждое чувство, что дарила мягкая и шершавая ткань.

– Ты бережёшь её, – заметила Иния.

– А второй раз когда? – спросила Тиранда.

– Когда я был виночерпием у жуда Влада семь лет назад.

– Когда он стал жудом Залесья?

– Жудом? – Иния засмеялась в голос. – Маменька говорит, что нет у него власти, а Залесем правит госпожа. Он просто болванчик её. Ещё и не женат. Так и сгинет с ним вся ветвь жудов Залесских.

– Иния! Негоже так о господине говорить. Он, может, ещё женится. – Михай пожал плечами.

– Как ты стал виночерпием? Это слишком большая честь. – Тиранда скрестила руки на груди.

– Господин выбрал меня.

– С чего бы?

– Я прилежно в школе учился. – Михай пожал плечами. – Откуда мне знать, что у него в голове. Выбрал и выбрал.

– И там ты видел госпожу? – спросила Тиранда хмурясь.

– Да. Она была до невозможности прекрасна. И даже разок посмотрела на меня. – Михай вздохнул и посмотрел на поля.

– Но как можно любить её?

Михей и Иния уставились на неё в непонимании.

– Она же бережёт Залесье, – сказала Иния. – Наша госпожа же...

– Я не об этой любви, а о романтической... Она же чудовище. Она собирает девчонок, чтобы потом купаться в их крови. А кто-то говорит, что она пьёт кровь...

– Что за глупости ты несёшь! – сказал Михай. – Всё это досужие сплетни.

– А то, что она сделала с Клушарадом? Разве это похоже на доброту?

– Виноваты те, кто девочек собирал, и те, кто детей не отдал, – пробурчал Михай под нос.

– Не думаю, что люди из Клушарада разделили бы твоё мнение, – Тиранда скрестила руки на груди.

– Они все мертвы, – сказала Иния, – нечего разделять.

Повисло молчание. Они никогда не поймут его чувств к госпоже. Это даже больше его самого. Только отец мог бы понять.

– Почему ты так ценишь эту ленту? – спросила Тиранда, нарушая молчание. Она обхватила себя руками, будто ей стало холодно.

– А вы никому не скажете? – Михай нагнулся к ним. – Клянётесь перед Босорой? Девчонки переглянулись и одновременно положили правую руку на левое плечо и опустили голову.

– Клянёмся. Воистину, – хором сказали они.

– Потому что это доказывает, что я особенный. Меня госпожа Эржебет отметила.

– Но для чего? – Иния непонимающе посмотрела на него. Тиранда разделила её удивление.

– Для чего? – Михай нахмурился.

Он никогда не задумывался об этом. Для него это было само собой разумеющееся, что он особенный и избранный госпожой. Не такой, как все остальные. Ведь ему нагадали волчью участь, которую его родители тщательно скрывали ото всех, чтобы не отдавать его госпоже. Какая глупость! Как его любимая госпожа могла навредить ему? Но стоило ему предложить родителям всё рассказать, как мать замолкала, отводя взгляд от него, а Василе свирепел, крича, что не для этого он растил его. Экая честь быть выращенным забулдыгой.

– Так для чего же? – повторила вопрос Иния. – Для волчьей участи?

– Откуда ты знаешь про неё? Об этом же никто не знает... Я сам узнал про это в двенадцать лет... Мне, – Михай сглотнул, – Лучиан и Георге по секрету всё рассказали...

– Вот-вот. Они ещё те балаболы, – сказала Тиранда и усмехнулась. – Тебе рассказали и остальным. Не думал, почему тебя все сторонятся?

– Но ты же не сторонись? – Михай почесал затылок.

– Я... – Тиранда покраснела, – не сторонюсь. Потому что глупости все эти пророчества! – Она скрестила руки на груди и отвернулась от него.

– А я верю в него...

– Что там в пророчестве? – спросила Иния. – Никто не говорит, что там...

– Ты не знаешь?

– Стала бы я спрашивать, если бы знала. – Она фыркнула.

– Что вы знаете?

– Что наутро после ритуала, – вмешалась Тиранда, – твои родители нашли клочок волчьей шерсти среди даров. Но что в пророчестве никто не говорит...

– Отец постарался, чтобы никто не узнал. – Михай крепко сжал кулаки. – Это даже удивительно! Под цуйкой он очень болтлив...

– Не говори так! – Иния насупилась.

– Никогда не понимал, почему он это ото всех скрывает. – Он почувствовал, как ногти впились в кожу ладоней.

Иния внимательно посмотрела на него и сжалась, мотнула головой, будто отгоняя пугающее видение. Тиранда с интересом наблюдала за ним.

– Так расскажешь? – спросила Иния. – Или это секрет?

Михай закрыл глаза и на одном дыхании по памяти прочитал:

«Волчий отрок в волчий месяц
Рыщет, сыщет, сумасбродит.
Он беду накличет в лесе,
Королевство отгородит.
Иль спасение? Иль гибель?
Ожидание конца?
Ждёт его врагов погибель.
Талт! Спаси нас от жнеца».

Закончив, Михай замолчал. Он не решался открыть глаза, чтобы увидеть лица Инии и Тиранды. Они, единственные, всегда им интересовались, их разочарования он не перенесёт.

– Почему Талт? – спросила Тиранда. – Мы же в Залесье поклоняемся Босоре. – Она нахмурилась.

– Пророчество сделали ещё во времена, когда в Залесье Талта и Босору наравне почитали, – сказал Михай, скрешивая руки на груди. – Оно очень старое.

– Хочешь сказать, что оно написано до того, как Девлет захватил Седмиградье, а госпожа спасла Залесье?

– Видимо... Наверное...

– Пророчество пугает, – протянула Иния, подбирая слова. – Но здесь вроде бы есть надежда...

– Да. – Михай облегчённо выдохнул. – Здесь спрятан свет, а не только тьма. Я говорил отцу, но он не слышал. Нужно было рассказать об этом госпоже Эржебет... Я умолял его рассказать.

– Его можно понять. – Иния поднялась. – Он переживает за всех нас...

– Переживает? – Михай засмеялся. – Он за цуйку переживает, только и думает, что о ней. Мы для него никто...

– Если бы сейчас об этом узнала госпожа, то твоим родителям не сносить головы. Отцу точно, – заметила Тиранда.

– Побойся Босоры, Михай! – Иния нахмурилась, брови сомкнулись у переносицы. – Он наш отец...

– Он забулдыга...

– Не надо. – Иния попятилась. – Не говори так. Ты не понимаешь, он очень старается для всех нас...

– Кто тебе это сказал? Он? Не слышала, как наша мать вечно чихвостит его? – Михай едко усмехнулся.

Люпус отвлёкся от своей палки и резко вскочил, смотря за спину Михею.

– Не надо. – Иния обхватила себя, пытаясь спрятаться от его слов. – Зачем ты так?

– Люпус, что с тобой?

– Так вот вы где, – сказал мужской голос позади.

Михей резко обернулся и увидел Георге. На него Люпус всегда реагировал с подозрением, ожидая подвоха. Брат не раз ласкал пса, а потом мог ни с того ни с сего ударить. Георге стоял, подбоченьясь и жуя какую-то травинку. Кушма была наклонена набок. Несмотря на то, что ему уже было двадцать три года, Георге так и не нашёл себе жену, и желания такого не имел. На каждые предложения посвататься к очередной девице он находил тысячу отговорок, чем она плоха: то лицом не мила, то нравом не вышла. Михай как-то спросил его, почему он не женится, Георге ответил, что глупо ограничивать себя, если можно попробовать всё. От этих слов Михай тогда густо покраснел.

Георге уставился на Тиранду, внимательно осматривая её. Его взгляд скользил по её фигуре, отмечая каждый изгиб. Он похабно улыбнулся, что Михею совсем не понравилось.

– Где же нам ещё быть? – Михай усмехнулся и подозвал Люпуса к себе. Пёс сел рядом. – Ты вчера сдал мне стадо, далеко бы мы не ушли.

– Тогда я тебя осчастливлю. Хватай Инию и живо домой. Вас отец ищет.

– Зачем? – спросил Михай.

– Вот вечно ты так. Ищет он. Больше знать тебе не надо, – Георге усмехнулся. – Меньше думать надо...

– По личному опыту знаешь?

– Засранец. Твой дозор окончен – дальше мы с Люпусом.

Пёс зарычал, глядя на Георге.

– Он не хочет. Тут ещё три собаки. Вы справитесь. – Михай усмехнулся, поднялся и схватил корзинку.

– Раз так, то корзинку оставь мне, а пса забирай. От него всё равно нет толку. – Георге нагло улыбнулся.

– Не растеряй отару, – бросил Михай на прощание.

– Тиранда, можешь остаться со мной. – Георге подмигнул ей.

– Вот ещё! – Она подхватила Инию за руку и пошла в сторону деревни.

Михай хмыкнул, пожал плечами и пошёл за ними. Люпус радостно семенил рядом.

Облака успели заполнить всё небо, белая пелена быстро сгущалась, превращаясь в грозные тучи. Не к добру всё это.

Михай с девчонками спустился с холмов к деревне. Люпус следовал рядом с ними, постоянно приподнимая уши, прислушиваясь к каждому звуку. Он был насторожен, и это смущало Михея. Их путь пролегал через главную площадь Драгоста, которую с трудом можно было назвать площадью. Это была большая протоптанная поляна – хотя господин Влад обещал замостить камнем её уже лет пять, – в центре которой возвышался высокий столб с перекладиной. В праздничные дни на нём устраивали качели для малышни, украшали лентами и цветами; в обычные – приносили подношения Босоре: сладости, хлеба – и оставляли записки, в которых просили свести влюблённых или исцелить болезни; но иногда его использовали, чтобы вздёрнуть преступников, чаще из пришлых работников, которые появлялись в Драгосте с началом полевых работ. Никто не называл его виселицей, боясь накликать беду.

Вокруг столба столпился народ. Михай нахмурился – предчувствие Люпуса было верным. Иния дёрнула его за рукав, приглашая присоединиться к толпе. Он замер, не решаясь остановиться – вряд ли Василе будет рад, если они придут слишком поздно. Но сестра, не дождавшись его решения, направилась в самую толчею. Тиранда бросила на него грустный взгляд, который говорил, что она понимает его, но любопытство сильнее, и пошла за Инией. Михай выругался под нос и пошёл за ними. Он продолжал чихвостить про себя Инию, так как она нагло протискивалась сквозь плотное кольцо собравшихся. Вот надо же ей всё увидеть собственными глазами. Неугомонный ребёнок! Ему пришлось извиняться за неё и Тиранду, ловя на себе недобрые и недовольные взгляды. Михай выдавливал из себя вежливые улыбки, но точно знал, что они ничем ему не помогут. Оказавшись в первых рядах, Иния победно остановилась и уставилась перед собой. В центре стояли две девушки в одинаковых чёрных платьях и мужчина в чёрном кожаном доспехе, за ними притаилась шеренга из пяти солдат, внимательно наблюдавших за происходящим. Не к добру это. Совсем не к добру.

– Каждая семья Драгоста должна отдать по одной дочери, – сказал мужчина. – Вы сами вольны выбрать, кого отдавать.

– А если дочек нема? – спросил дрожащим голосом кто-то слева. Михай повернул голову, но не рассмотрел говорившего.

– То вам повезло, – сказала рыжеволосая девушка. – Молите Босору, чтобы так и дальше было. – В её зелёных глазах плясали злые огни; она издевалась.

– Да сколько можно девонек отдавать госпоже? Так в деревне никого не останется, – возмутилась старуха Анна, в ветхом платье и закутанная в шерстяную шаль не по погоде. Она подняла клюку, будто хотела придать словам вес. – Побойтесь Босору! Вот в других жудецах такого нет...

– В других? – гаркнул Адриан, старший сын их старосты, стоящий рядом. – Мать, ты хоть и стара, но ум-то сохранить ещё должна. Другие жудецы во власти девлетского султана – им ещё не слаще живётся.

– Ой ли... А нам легко, что ли, с такими приказами? Вот правильно я всегда говорила, что разброд среди жудецов до добра не доведёт. Вот держала бы госпожа всех в ежовых рукавицах, то одним королевством бы и дали отпор султану и императору. – Старуха Анна попыталась подбочениться, но тут же схватила за спину и скривилась дугой, опираясь на клюку. Она озиралась по сторонам, ища поддержки.

– Так госпожа Эржебет и дала отпор султану, – заметил кто-то из толпы.

– До сих пор расплачиваемся, – буркнула под нос старуха Анна.

– Будь ты марежудом, всё было бы не так! Правда, мать? – Адриан засмеялся, громко и зло. – Мы бы все уже процветали.

Его смех подхватила толпа, и он превратился в нервный хохот, за которым селяне пытались скрыть страх от бед, навалившихся на них. В этом году снова подняли размер дани, и многие уже переживали, боясь, что не все перезимуют. Хоть Залесье и было на особом счету у девлетского султана, с каждым годом он всё увеличивал размер податей, затягивая сильнее петлю на их шеях. Как любил рассуждать Василе за рюмкой цуйки, скоро от жертвы госпожи Эржебет ничего не останется. Только вера в Босору. Стоило ли ей вообще продавать душу, чтобы двадцать лет хранить Залесье в покое?

Смех резко прекратился, Михай озираясь, чтобы понять, что произошло. В этот момент его взгляд встретился с синими глазами незнакомки, которая до сих пор хранила молчание. Они напоминали глубокие горные холодные озёра, к которым Михай с братьями бегал в жаркое лето, чтобы охладиться и утолить жажду. Ему показалось, что в её глазах он видит неизвестный и загадочный, а потому и желанный мир. Он понял, что мог бы смотреть в них вечно. Михай сглотнул, так как незнакомка заметила его жадный взгляд. Она была не старше его, но в её глазах затаилась мудрость и печаль, будто она уже давно живёт эту жизнь. Михай увидел, что её шея была замотана серой тканью – такой отмечали служительниц Босоры, босоркани. Такая же метка была на второй девушке. Но как это возможно? Если все босоркани – это мудрые старухи, обезображенные временем, помогающие людям и восхвалявшие Босору. Михай бросил быстрый взгляд на другую, чтобы убедиться, что она тоже молода. Это было очень странно. Он нахмурился.

– Довольно, – сказала незнакомка, её голос был холоден, резок и властен, и сделала шаг вперёд. Михай смог разглядеть открытый вырез платья – кожа была испещрена россыпью розоватых рубцов, которые сползали на грудь. Это явно были безобразные ожоги, но почему она их не прятала? – Это приказ марежуда Эржебет. Нечего обсуждать. Расходитесь. Приводите девчонок на рассвете. Их должно быть тринадцать.

– А если мы не подчинимся? – спросила старуха Анна.

– То вас постигнет та же участь, что и ваших соседей в Клушараде три года назад. – На лице незнакомки не дрогнул ни один мускул, как будто она произнесла какую-то банальность, а не предрекла гибель в огне их деревни. – Кира может рассказать про это. Она единственная выжила там.

Толпа уставилась на Киру и начала перешёптываться. Михай посмотрел на неё – она усмехалась, на лице не было и тени грусти или боли. Как можно быть настолько бессердечной?

– Марчел, Кира, мы уходим.

Незнакомка подхватила подол чёрного платья и пошла сквозь толпу, которая сразу же расступилась перед ней, не желая и боясь преграждать ей путь. Мужчина, как верный пёс, поплёлся за ней. Он был явно старше, но подчинялся ей? Кира хмыкнула и пошла следом за ними. Солдаты стали разгонять толпу.

Все уже разошлись, а Михай как замороженный смотрел туда, где скрылись посыльные госпожи Эржебет, не в силах оторвать взгляда. Прекрасные голубые глаза всё не шли из головы. Иния потянула его за рукав, вытаскивая из сладкого наваждения. Он мотнул головой и уставился на сестру и Тиранду – обе побледнели и понуро глядели на него. Михай сглотнул – обе девочки были единственными дочерьми в их семьях. На сердце потяжелело.

– Отец заждался нас, – сказала Иния и строго посмотрела на него. – Наших вроде не было на площади. Нам придётся сообщить им новость.

– Придётся... Вы как?

– Не задавай глупых вопросов, – сказала Тиранда. – Мне пора. Увидимся... завтра, – её голос дрогнул, готовясь сорваться на плач. Она развернулась и быстро побежала в сторону дома.

Иния тяжело вздохнула и поплелась вперёд.

– Люпус, за мной, – подозвал Михай пса, который послушно ждал их.

Чутьё его не обмануло.

Дом встретил их необычной суматохой. Василе кричал на обе комнаты, то ли ругая, то ли подгоняя Думитру, а мать носилась от сундука к сундуку, собирая вещи. Михай и Иния зашли в большую комнату – на скамье сидел Василе, изрядно покрасневший, а перед ним на столе стояли кувшин с цуйкой и рюмка. Его глаза блуждали, не находя предмета, чтобы зацепиться и остановиться. Стекланный взгляд заставлял ждать подвоха. Ровно до того момента, пока он не увидел Михея. Губы расплзлись в тошнотворной улыбке, обнажая желтоватые зубы.

– Явился – не запылится. Где окаянная тебя носила? – спросил Василе и икнул; мать уже перестала делать попытки оторвать его от бутылки.

– Я был на выпасе, – сказал Михай, выходя вперёд и загораживая сестру. – Вы знаете, что на площади случилось?

– Вопросы тебе никто не разрешал задавать. – Василе ударил по столу, слишком сильно, капли цуйки расплескались на скатерть. – Садись и выпей с отцом.

– Так для этого вы звали меня? Выпить цуйки? – Михай сжал кулаки, подавляя гнев. – Там на площади...

– Заткнись! Слова тебе, ублюдок, не давали. Ружа!

– Василе, да как можно сына родного ублюдком называть? – позади раздался голос матери.

Михей обернулся на него. Его мать была в сером изрядно заштопанном платье. Волосы она прятала под таким же серым, выцветшим от времени платком. Михай не раз слышал, что мать в молодости слыла первой красавицей Драгоста, но, глядя на эту замученную жизнью с иссохшей кожей и потускневшими волосами женщину, в это верилось с трудом. Ещё меньше верилось, что на неё мог засматриваться залесский жуд.

Михей бросил взгляд на внушительный узелок, который в руках держала его мать. Такой же она собирала в тот день, когда они провожали Лучиана в его новый дом. Неужели пришёл и его черёд перебраться из отчего дома? Ему было девятнадцать лет, это было бы неудивительно.

– Да действительно! – Василе усмехнулся и осушил рюмку с цуйкой. – Ублю... – он запнулся, заметив строгий взгляд жены. – Эй, садись уже.

– У нас есть новости, – выпалил Михай, обращаясь к матери.

– Да кому они нужны? – продолжил Василе. – У меня тоже есть новость: ты больше с нами не живёшь. Пора как Георге жить своим домом...

– Госпожа Эржебет прислала людей, чтобы забрать по одной дочери из каждой семьи, – не обращая внимания на Василе, сказал он.

– Что? – Мать замерла, а узелок выпал из рук. – Но... Иния...

– Да что ты так испугалась? Что он сказал? – Василе наполнил ещё одну рюмку и залпом осушил её.

– Ты не услышал? Да как же... Иния. – Мать притянула к себе дочь и крепко обняла.

– Да объясните уже! – Он икнул.

– Инию госпожа заберёт, – повторил Михай.

– Как заберёт? Нашу Инию? Но как? Зачем? Ведьма... – Василе выпил ещё одну рюмку. – Давно её надо было на костре сжечь.

– Побойся Босоры! – запричитала мать под нос.

Все замолчали. Мать крепче сжала Инию, непрерывно глядя её по спине, Василе хлебнул из горла бутылки, наплевав на остатки достоинства. Воображение Михея рисовало, как Иния отправляется в замок Верчице, вырубленный в горе. Там её отведут в самый тёмный подвал, привяжут к дыбе и днём и ночью будут пускать кровь, чтобы госпожа Эржебет омывалась в ней. Или она бы впивалась в горло Инии, чтобы испить её? Михай поёжился – картина предстала перед ним пугающей, но было в ней и что-то притягательное. Он покачал головой – всё это просто враки. Госпожа не для этого собирает детей. Наверное...

– Нельзя, чтобы баба во главе была, – бубнил под нос Василе. – Вот нельзя...

– Может, что-то можно сделать? – сквозь слёзы спросила мать.

– Ты в своём уме? Забыла, что в Клушараде случилось?

Михей горько усмехнулся. Резню в Клушараде, которая закончилась пожаром, уничтожившим всю деревню, нельзя было забыть. Каждый раз, когда Михай вместе с Василе ехал в город, они проезжали безжизненное пепелище. В этом месте умерла природа: всё было серым и безмолвным, звери и птицы обходили его стороной. Клушарад был проклят. Такой участи не пожелаешь родной деревне. Но разве нельзя ничего сделать? Михай тяжело вздохнул и сжал кулаки. Иния уткнулась в грудь матери и рыдала. Он ненавидел, когда его сестрёнка плакала. Он не даст её в обиду. Он попытается её спасти. Это его долг.

– Я пойду вместо Инии, – твёрдо сказал Михай.

Родители бросили на него вопросительные взгляды: мать побледнела, а Василе разразился залившимся смехом.

– Ты-то? – заговорил Василе. – На кой ты нужен госпоже?

– Волчья участь...

– Не смей! Ты хоть представляешь, чем это может мне грозить? – Он поднялся и облокотился на стол.

– Но так мы спасём Инию! Лучше, что ли, просто отдать её, ничего не делая?

– Да кто сказал, что тебе вообще поверят?

– Меня госпожа при рождении отметила. – Михай показал ленту. – Не зря же она подарила мне ленту, – упрямо продолжил он, желая заполнить звенящую тишину. – Я пойду в трактир и скажу, что я волчий отрок. Пусть меня заберут вместо Инии.

– А если они не захотят тебя слушать? Что будешь делать, умник? – Василе не скрывал презрения к сыну. – Что тогда?

– Тогда отдадим Инию, – Михай усмехнулся, – но я хотя бы пытался что-то сделать...

– Хочешь сказать, – Василе попытался выйти из-за стола, но качнулся, потерял равновесие и бухнулся на лавку, – что я ничего не делаю для семьи? Ах, ты выродец поганый. Растил тебя на свою голову, и эта вся благодарность? Вот так ты с отцом разговариваешь... Выпороть бы тебя, убудок...

– Василе! – вмешалась мать. – Не смей так с Михеем...

– А то что? В амбар отправишь спать? – Василе поднялся, медленно, держась за стол. – Я лучше сам пойду, Ружа. Не ожидала? – Он усмехнулся. – И пусть весь честной народ знает, что женился на ведьме похуже госпожи. – Он вылез из-за стола. – Хотя все и так это знают.

– Побойся Босоры!

– Босоры! Побойся Босоры, – повторил ей в тон Василе. – Конечно, тебя только и интересуется твоя ненаглядная богиня. Только и знаешь, что ей молиться, да на мужа жаловаться. А сама что? Не похожа на верную хранительницу очага. Не думала, что с тобой Босора сотворит на смертном одре? – Василе сплюнул смачно на пол. – Делайте что хотите, а я в амбар. Раз вы мне смерти желаете.

Он схватил бутылку с цуйкой и направился к выходу. В проходе врезался в Михея плечом, со всей силы. Не удостоив его взглядом, Василе вышел, шатаясь, но с гордо поднятой головой.

Мать тяжело вздохнула и стала растирать виски.

– Попробуй, Михей, – сказала она. – А мы подождём тебя.

– Я могу рассказать про волчью участь и предсказание?

– Если это поможет. – Мать спрятала лицо в ладони, Иния обняла её.

Михей кивнул. Это должно помочь. Он резко развернулся, стараясь сохранить остатки решимости, которые таяли на глазах, как снег на тёплом весеннем солнце. Ни матери, ни Инии не нужно видеть, что он боится. Но если подумать, то это то, о чём он всегда мечтал. Разве не так? Он же ждал случая, когда сможет вновь встретиться с госпожой, как было обещано. Михей поплёлся в сторону трактира, веря, что делает всё правильно.

Когда Михей зашёл в трактир, то ему в нос ударил запах жареной телятины и баранины, приправленных чесноком, тимьяном и душистым перцем. Видимо, Богдан жарил мититеи. Михей сразу представил себе нежный вкус тающих во рту колбасок, смачно сдобренных приправами – за такое можно и душу продать.

Он сглотнул слюни, которыми наполнился рот от запаха, и огляделся. Трактир «Затмение», как и всё в Драгосте, был поглощён полумраком. Богдан нещадно жался, поэтому расставлял свечи очень редко, больше для вида, а не освещения. Длинные столы в трактире располагались в три ряда. Лучшие места были по углам, где завсегдатаи проводили вечера, играя в румми – игру, появившуюся благодаря запрету на карточные игры от девлетского султана. Игра была простой – набери фишки, да выкладывай ряды и комбинации из чисел четырёх мастей: чаш, пентаклей, мечей и жезлов – и не забудь использовать двух шутов. Числа и масти были выбиты на деревяшках, что обходило запрет на использование карт. Побеждал тот, кто первым избавлялся от фишек. Михей всегда проигрывал, поэтому не любил эту игру и не понимал, почему люди так с ней носятся. В дальнем углу собралась толпа игроков, которая наперебой спорила и горланила, поглощая пиво и жирные свиные колбаски. В животе предательски заурчало.

– Какими судьбами, Михей? – спросил Богдан, появившийся из ниоткуда. В обеих руках было по кружке с пивом.

Богдану было тридцать лет, пятнадцать из которых он владел трактиром «Затмение». Его отец скончался от болезни, унёсшей несколько десятков селян, потому он возглавил семейное дело рано. У него были тёмные каштановые волосы, немного выющиеся, которые придавали ему вид барда или трубадура, и яркие голубые глаза. Поговаривали, что Богдан в бытность молодым разбил не одно девичье сердце. Сейчас же он был предан своей жене Магде, неприметной простушке-пухляшке. Михей до сих пор не понимал, как такой, как Богдан, мог

жениться на Магде, но задать этот вопрос он не решался. Поговаривали, что Магда обратилась к босоркани, чтобы приворожить его.

– Я ишу... – Михай замялся, подбирая слова. – Где босоркани, что собирают девочек для госпожи Эржебет?

– Босоркани? – Богдан нахмурился, дунул на волнистую прядь, упавшую на лоб, стараясь убрать её с глаз.

– Я хочу поговорить с босоркани...

– Вот как. – Богдан усмехнулся. – Значит, хочешь. Ну, поговоришь с ними и что?

– Я Инию спасти хочу...

– Да кто не хочет спасти своих родных, но есть порядки, которые нельзя нарушать. Госпожа Эржебет заботится о нас...

– Отнимая детей? – Михай не в силах был сдерживаться.

– Таков порядок... Ты же не хочешь, чтобы с нами случилось то же, что в Клушараде? – Богдан зло ухмыльнулся. – Иди к босоркани, они на втором этаже, первая дверь. Но не дай Босора, что ты беду на нас накличешь. Я сам тебя придушу. Уяснил?

Богдан поднял руки вверх, и из кружек полилось пиво на пол. Выругавшись, он пошёл к стойке, чтобы заново наполнить их. Проклятия, летевшие в сторону Михея, не прекращались. Богдан был не похож на себя, всегда приветливый, сейчас в его глазах искрились молнии. Михай проследил за ним и увидел Магду, держащуюся за выступающий живот. Ни дать, ни взять – скоро разродится. Михай прикусил губу и пошёл на второй этаж, обещая себе и Богдану, что не напортачит.

Каждый его шаг отдавался характерным скрипом, рассекающим гомон голосов. Мрак лестницы резко нарушился ярким ослепляющим светом, льющимся из комнаты, в которую он шёл. Михай прикрыл лицо руками и несколько раз моргнул, прежде чем привык к освещению. Он подошёл к открытой двери и постучал по ней.

Босоркани, чьё имя он так и не узнал, сидела на полу и что-то читала, Марчел ходил из стороны в сторону, меряя шагами комнату, а Кира сидела на подоконнике, весело мотая ногами и напевая под нос. Для единственной выжившей из Клушарада она была слишком беспечной. Марчел, увидев его в дверном проёме, остановился.

– Что тебе нужно? – спросил он, внимательно глядя на Михея.

– Я хотел... поговорить с... босоркани. С госпожой, – запинаясь и смотря в пол, сказал он.

– С босоркани? А ты уверен, что она хочет говорить с тобой? – Он впился в него зелёными глазами; казалось, от его взгляда можно умереть.

– Я... – Михай начал пятиться, Марчел наступал на него, протягивая к нему руки. Михай бы не удивился, если бы он решил отвесить ему пощёчину или схватить за грудки.

Босоркани подняла голову и заговорила:

– Марчел! – Мужчина остановился. – Пусть говорит, я послушаю. Здесь всё равно дикая скука.

– Но, хозяйка...

– Марчел, – с нажимом сказала она, глядя на него.

Он подчинился и ушёл вглубь комнаты, позволяя Михею войти. Кира хмыкнула и соскочила с подоконника, подойдя к босоркани.

– Ну, и о чём ты хотел поговорить? – спросила она, внимательно смотря на него.

Она опустила голову набок, что придало её лицу толику беззаботности, что очень ей шла. Так она переставала походить на ледяную статую. Михай сглотнул и заговорил:

– Милосердная госпожа, заберите меня вместо сестры.

– На девчонку ты ничуть не похож, – сказала Кира, усмехаясь; её зелёные глаза прожигали его.

– Нет, – сглотнув, сказал Михай. – Но...

– Ну, тогда зачем ты госпоже Эржебет? – босоркани скрестила руки в замок. – Что ты ей можешь предложить?

– Я...

Михей растерялся, не зная, как продолжить. Не так он представлял себе этот разговор. Совсем не так.

– Есть что сказать? Если нет, то проваливай, – сказал Марчел, скрешивая руки на груди.

– Зачем вы давите на него? – тон Киры изменился, в нём появилось любопытство. – Вы двое можете быть очень пугающими. Не перебивайте его. Я уверена, что ему есть, что сказать.

Марчел хмыкнул, а босоркани кивнула. Михей вздохнул и на одном дыхании выпалил:

– Я волчий отрок. Урситоареле и госпожа Эржебет отметили меня ещё в детстве. Вот.

Он подошёл к ней и протянул левую руку, на которой была красная лента. Босоркани схватила его и дёрнула на себя. Михей не удержался и упал на колени перед ней. Она, не взглянув на него, заворожённо рассматривала ленту: провела по ней несколько раз – её пальцы были холодными, – посмотрела изнанку и хмыкнула. Михей во время этого пытался не то что не двигаться, но и не дышать. В нос ударил пряный запах цветов, напоминая их сливовый сад и вызывая смешанные чувства. Внутри Михея всё сжалось. Он желал, чтобы она не отпускала его.

Госпожа резко отдёрнула руку, что выдавило из него стон разочарования. Она, заметив это, ухмыльнулась.

– Это лента госпожи Эржебет? – спросила Кира, присаживаясь рядом.

Она тоже взяла руку Михея и быстро прощупала ленту. Её прикосновения были горячими и грубыми. Он одёрнул руку. Кира посмотрела на него с нескрываемым интересом.

– Да, от неё. Мне кажется, я припоминаю эту историю, – подтвердила босоркани. – Лет двадцать прошло...

– Деятнадцать, – поправил Михей, но тут же прикусил язык. Такую дерзость босоркани не потерпят.

– Но это не доказывает, что он волчий отрок, – заметил Марчел.

– Тебе предсказали волчью участь? – спросила Кира.

– На рассвете среди даров урситоареле нашли клочок волчьей шерсти.

– Кто-то в шутку мог подкинуть шерсть, – заметила она, пожимая плечами. – У тебя есть старшие братья?

– Есть, но они бы...

– Интересно, – вмешалась босоркани, строго посмотрев на Киру. – Почему твои родители скрыли это от госпожи Эржебет? Она давно ищет отрока.

– Они испугались...

– А теперь они решили поменять дочь на сына? – Марчел хмыкнул. – Прозорливо.

– Я сам вызвался. Меня никто не заставлял. – Михей скрестил руки на груди.

– Ты готов пожертвовать собой ради сестры? – Босоркани схватила его за руку и посмотрела в глаза. – Готов на всё?

– Да... Я не хочу, чтобы её забирали, – Михей с трудом выдерживал её взгляд; она вперилась в него, ища крохи сомнения. – Она самое дорогое, что есть у меня.

– Жужанна, ты готова ему верить? – спросила Кира ухмыляясь.

– Твоё желание идёт от сердца? – спросила Жужанна, не обращая внимания на неё.

Михей кивнул, не в силах ответить. Она улыбнулась, качнула головой и отпустила его руки.

– Твоя жертва принята. Ты можешь заменить сестру. Она больше не нужна госпоже...

– Хозяйка, вы уверены? – спросил настороженно Марчел.

– Шерсть, отметка госпожи. Это могут быть знаки...

– Или просто совпадение. – Кира улыбнулась, пожимая плечами. – А если и нет, ты уверена, что он выдержит волчью участь?

– Я не знаю. Пусть госпожа Эржебет это решает. Мы лишь инструменты в её руках...

– Прямо как в Клушараде. – Кира ушла к окну и уставилась в него.

– Хозяйка, вы точно уверены, что ему нужно ехать? – Марчел смотрел на неё обеспокоенно. – Я не всегда согласен с Кирой, но это может быть очень опасно для него. Да и для всех нас...

– Он хочет защитить сестру. И это желание идёт от сердца... Вряд ли госпожа обрадуется, если мы не приведём того, кто думает, что он отрок.

– Хорошо, хозяйка. – Марчел смиренно опустил голову. – Как прикажете.

Михей подавил радостный визг, который зародился внутри. Ему удалось! Он был готов прыгать от переполнявших чувств, но нужно сохранять мнимое спокойствие.

– Ну, что же, Михей, – обратилась к нему Жужанна.

– Откуда вы знаете моё имя? – Он уставился на неё в удивлении и глупо улыбнулся.

– Я помню историю про ленту. – Она усмехнулась. – Собирай вещи – мы отправляемся на рассвете. Можешь идти.

Михей вскочил на ноги, поклонился и побежал прочь из комнаты, надеясь, что Жужанна не передумает. На окрик Богдана он бросил, что Клушарада не будет. Он справился. Богдан пробормотал что-то под нос, но Михей уже не услышал. Он мог думать только о том, что спас сестру и скоро увидит госпожу Эржебет.

Глава 2.

Дом встретил Михея привычным мраком и непривычной тишиной, будто из него вытянули радость и счастье. Гнетущая пустота поглотила остатки жизни. Но Михей бросит ей вызов и вернёт душу в их дом.

Он прошёл в большую комнату, где притаилась семья. В углу мать крепко обнимала Инию, покачиваясь взад и вперёд. Михей заметил, что в голубых глазах сестры спрятался страх. Материнские тощие, костлявые пальцы впивались в мягкие руки дочери. Родители оберегали Инию, потому к своему возрасту она всё ещё была изнеженным ребёнком, которому прощали всё. Она была любимицей всей семьи, а Михея особенно.

Напротив Инии на скамье обречённо сидели Лучиан, Георге и Думитру. Младший брат невидящим взором смотрел в крохотное окно, ища ответы на вопросы. Василе, видимо, заметил второго сына на выпасе. Тем лучше – не будет на смех Михея поднимать.

Он откашлялся, привлекая к себе внимание. Мать подняла на него глаза – красные от слёз, – нижняя губа нервно дёргалась, а лицо осунулось сильнее обычного.

– Тебе удалось? – полушёпотом, разрезавшим тишину, спросила она.

Михей выпрямил спину, выставляя грудь вперёд, и кивнул.

– Слава Босоре! – вымолвила мать. – Какой ты молодец, Михей.

Она прикрыла рот рукой, в её глазах появилась смесь радости и облегчения. Она вскочила со скамьи, подбежала к нему и крепко обняла. Михей почувствовал, как тепло разливается по всему телу. Он уже не помнил, когда мать так обнимала его в последний раз.

Иния радостно засмеялась, выпуская сковавшее её напряжение, подбежала к ним и тоже обняла Михея. Братья подскочили к ним и присоединились, вытесняя его из круга. Он не понял, как очутился вне его. Михей насунился, тепло отступало, а в сердце зародилась обида. Как они не заметили, что вытеснили его? Они это нарочно. Снова!

Он зло посмотрел на них. Сколько тепла и заботы было в объятиях, и они должны были быть обращены к нему. Только к нему! Думитру уткнулся в мать, а Лучиан не переставал целовать макушку Инии. Георге же смотрел на Михея с усмешкой, довольно скалясь. Он не скрывался и не прятался.

Михей застыл и сжал кулаки, борясь с негодованием. Это он должен был утопать в объятиях. Это он должен быть в кругу семейной радости. Это он спас Инию, а не Босора. Это его они должны чествовать. Ему возносить слова благодарности. Он стоял, ожидая, что всё их внимание обратится к нему. К их герою. Но этого не было. Ничего не было. Они смеялись, миловались, как будто его не существовало. Болезненная мысль, что он им и не нужен, кинжалом прошлась по сердцу, раня до глубины души. Но он же знал это всегда. Так почему так больно?

Михей громко вздохнул, веря, что вот теперь-то они вспомнят, но нет.

– Как тебе это удалось? – спросил Георге, разрывая объятия.

– Я сказал, что волчий отрок и госпожа меня отметила в детстве, – ответил Михей, скрепчивая руки на груди.

– Только-то? – спросил Лучиан. – Я думал, это будет сложнее.

– Я разговаривал с двумя босоркани! Еле уговорил их.

– Всё равно, как-то просто. Уверен, что проблем не будет?

– Уверен. – Михей презрительно фыркнул.

– Наконец-то толк от тебя для семьи, а не только позор. – Лучиан хмыкнул.

– Да как ты смеешь. Я спас Инию!

– Мальчишки! – вмешалась мать. – Не ссорьтесь. Надо радоваться, а не собачиться. А то Босора нас покарает.

– Слушай мать. – Лучиан оскалился, как дикий зверь. – Покойной ночи. – Он поклонился и направился к выходу.

Георге последовал его примеру, но, проходя мимо Михея, отвесил ему подзатыльник. Думитру пожал плечами, схватил Инию за руку и потащил её в их комнату. Мать подошла к Михею и положила руку на плечо:

– Они просто дурачились, – сказала она. – Все переволновались...

– Они опять унизили меня при младших, а ты им и слова не сказала. – Михей зло усмехнулся. – Ты никогда не поддерживаешь меня.

– Не говори так! Я вас всех одинаково люблю.

– В этом и проблема. – Михей усмехнулся. – Что отец хотел от меня сегодня?

– Отселить в личный дом... Я и вещи тебе собрала.

– Они мне пригодятся. Наверное...

Михей развернулся и пошёл в комнату, где на скамьях уже разлеглись Думитру и Иния. Он бросил быстрый взгляд на сестру, которая уже тихонько посапывала и улыбалась во сне. Только ради этой улыбки можно было сделать то, что он сделал. Как быстро она заснула? Видимо, сильно переволновалась. Он вздохнул и, не раздеваясь, завалился на скамью.

– Я не хочу, чтобы ты уходил, – сказала Иния, когда они вышли из дома. – Почему ты должен уйти, а не кто-то другой? Почему? Это нечестно!

Она подбежала к Михею и обняла, уткнувшись в его грудь. Он почувствовал, как его рубашка намочила от её слёз. Иния отдавалась чувствам с упоением и жадностью, которые изводили её, оставляя без сил. Мать стояла рядом, не выражая ничего. Она была бледна, а взгляд был пуст.

– Отпусти его, Иния!

Иния разомкнула объятия и, протирая глаза, отошла от Михея. Мать повесила ему на шею связку чеснока, а на пояс привязала полынь.

– Это убережёт тебя от злых чар госпожи. – Она провела рукой по его щеке. – Да благословит Босора твой путь. – Она обняла его и поцеловала в щёку.

– Полно, маменька. – Михей почувствовал, как щёки запылали. – Я всё равно должен был покинуть дом...

– Но не так, – вмешалась Иния. – Совсем не так.

Она разбила их объятия и втиснулась между ними.

– Возьми. – Она протянула ему соломенную куклу, которая помещалась в ладони; ноги и руки были перевязаны красно-белым шнурком. – Чтобы не забыл меня.

– Да как я могу. – Он взял куклу и спрятал в карман. – Спасибо!

– Всё! Время не терпит. Иди уже, – сказала мать, скрывая слёзы и прогоняя его. – Не дай Босора – опоздаешь.

Михей кивнул, схватил узелок и пошёл прочь. Он бросил быстрый взгляд на луга, где Василе следил за стадом. Интересно, думал ли он о сыне, который покидал дом навсегда? На мгновение он хотел побежать к нему, чтобы попрощаться, но передумал, представив пьяное лицо – на выпасе он никогда не был трезв. Тяжело вздохнув, Михей отправился к трактиру. Люпус побежал следом за ним.

– Люпус, нет! – Михей остановился и присел рядом с псом. – Ты не можешь идти со мной.

Пёс непонимающе глядел на него, качая головой из стороны в сторону. Михей запустил обе руки за уши Люпуса и поцеловал в нос.

– Защищай Инию. Только тебе я могу доверить это.

Он крепко обнял его, уткнувшись носом в холку. Люпус лизнул щёку. Слёзы подступали. Михай резко встал и отряхнулся, лишь бы сохранить самообладание. Не хватало, чтобы новые знакомые решили, что он размазня.

– Беги домой. Не иди за мной, – сказал Михай и пошёл не оглядываясь.

Позади раздался жалобный скулёр, который разрывал сердце. Михай смахнул слёзы и пошёл к трактиру.

Вывеска «Затмения» медленно покачивалась на ветру, наблюдая за родителями, которые прощались с дочерью. И тут и там доносились вздохи и причитания, которые утопали в разносящемся плаче. Михай поёжился. Его взгляд упал на Киру, которая отдавала приказы солдатам, стоя у запряжённой повозки с большой клеткой – именно в такой перевозили рабов для султана. Жужанны и Марчела нигде не было.

– Волчий отрок! Так ты пришёл, – сказала Кира, подойдя к нему. – А я думала, что испугаешься. – Она усмехнулась.

– С чего мне пугаться? Я мало чего боюсь...

– А стоило бы. – Она скрестила руки на груди, а зелёные глаза вперились в него.

Кира без стеснения пялилась, внимательно рассматривая. Её взгляд был острым и едким, проникающим в самую глубь, будто она рассматривала его, как какую-то клячу на рынке. Она посмотрела на связку чеснока и усмехнулась.

– Что не так? – спросил он. Она раздражала его.

– Думаешь, чеснок и полынь помогут сохранить решительность? Или спасут от госпожи?

– Мне их мать дала. – Михай стянул связку чеснока и бросил её. – Я не мог её обидеть.

– Вот как? – Кира усмехнулась. – А снял зачем?

– Но разве она не бесполезна?

– Передумал? Решительности поубавилось? Добавишь её с помощью чеснока?

– Нет. – Он повернулся к ней, пытаясь выдержать колкий взгляд. – Не передумал.

– Видимо, думать просто не твоё. – Она пожала плечами. – Малявки, – обратилась она к девочкам, – хватит сырость разводить. Живо в клетку.

Ей не нужно было повышать голос, чтобы двенадцать девочек одновременно выпутались из объятий родителей. Их возраст разнился: некоторым едва исполнилось шесть, другим же было почти тринадцать. Самой старшей была Тиранда, которая помогала младшим забраться в повозку. Михай присоединился к ней. Кира фыркнула, наблюдая за ними.

Девочки расселись по двум скамьям, прижимаясь друг к другу, будто мёрзли. Михай услышал приглушённый плач, от которого сжалось сердце. Зачем? Почему они вынуждены это делать?

– Полезай в клетку, – позади раздался голос Марчела.

– Я? – промямлил Михай, разворачиваясь.

– Скорей, – сказала Кира, схватив его за руку.

Она затащила его внутрь и уселась напротив. Михай в недоумении посмотрел на неё.

– Не удивляйся, Жужанна не доверяет тебе. Вдруг навредишь девочкам в пути?

– Я?..

Кира не слушала его, скрестила руки на груди и отвернулась, наблюдая, как Марчел запирает клетку на внушительный замок. Ключ был на цепочке, которую Марчел повесил на шею. Михай хмыкнул. К чему эта излишняя предусмотрительность?

Неожиданно появилась Жужанна. Её наряд сильно изменился – вместо платья на ней были тёмно-синие шаровары, а поверх них синий кафтан, открывавший шрамы. Неужели она носила их с гордостью? Единственное, что не изменилось, это платок, которым было замотано горло.

– Всё готово? – спросила Жужанна.

– Да, хозяйка.

Она усмехнулась. Усмешка сквозила могильным холодом, который пугал Михея. При первой встрече, да и второй, он не заметил его. Жужанна обошла клетку, явно пересчитывая пленниц. Закончив обход, она ухмыльнулась и сказала:

– Тринадцать малявок для госпожи Эржебет. Пора в путь. – Она потянулась.

Михей побледнел – его посчитали малявкой. Внутри что-то оборвалось. Малявка. Он уже давно не малявка. Кира усмехнулась, нагнулась к нему и прошептала:

– Думал, что она будет отличать тебя, потому что ты волчий отрок?

– Я так и не думал. – Михей скрестил руки на груди и отклонился назад.

– Так он всё-таки думает. – Кира выдавила насмешливую улыбку. – Может, ты и не безнадёжен.

Она уселась ровно и стала пялиться на дорогу. Тиранда, сидящая слева от Михея, прижалась к нему и прошептала:

– Не бери в голову. Она просто не знает тебя.

– Всё в порядке! – сказал резко он.

Вот ещё! Показывать Тиранде, что слова Киры его задевают. Велика фигура, чтобы его волновать.

Повозка тронулась. Под мерный топот лошадей и стук колёс они удалялись от трактира. Некоторые из родителей шли следом за ними, провожая до выезда из Драгоста. Михей прищелкнул, надеясь увидеть среди людей кого-то из родных, но никто не пришёл, чтобы в последний раз проститься с ним. Он грустно усмехнулся.

В повозке воняло сгнившими сливами, что было совершенно необъяснимо. Их кисло-сладкий запах дурманил голову, воскрешая неприятные воспоминания. Перед глазами появилось лицо Василе, который стоял над бочкой с гнилью. Он пытался выяснить, кто из детей не уследил за урожаем. Лучиан и Георге указали пальцами на Михея, а он пытался убедить, что ни в чём не виноват, но Василе даже не стал его слушать. Он схватил его за шкуру, подвёл к бочке и, засунув в неё руку, достал пригоршню гнили. Михей сглотнул, чувствуя, как внутри собирается узел. Василе криво усмехнулся и попросил открыть рот. Михей попытался закрыться, но руку тут же отодрал Лучиан. Василе стал засовывать гнилые плоды в рот Михея. Он смыкал челюсть, но тошнотворные частицы всё равно попадали внутрь. Чем дольше это продолжалось, тем отчётливее Михей чувствовал, как всё лицо покрывается ненавистным месивом. Когда он стал закашливаться и терять сознание, Василе прекратил пытку и со старшими братьями ушёл, оставив Михея одного. Его ещё долго преследовал запах гнили, наполнявший изнутри, а сами сливы он с трудом мог есть.

Они выехали на тракт, ведущий к замку госпожи Эржебет. Сквозь решётку клетки Михей пытался любоваться пейзажем, но быстро устал от зелёных лугов, усыпанных цветами, и высокого голубого неба, дарящего чувство простора. Кое-где он замечал пасущиеся отары, но взгляд на них не щемил его сердце. Всё здесь было привычным и недостойным внимания.

Михей оглянулся, рассматривая девочек. Прошёл уже час, как они ехали в повозке, но они всё ещё сидели окаменевшие и недвижимые, не похожие на детей. Маленькие и хрупкие статуи, застывшие в ужасе, без чувств и желаний. Он тяжело вздохнул, понимая, что уберёт Инию от такой участи.

Повозка наехала на булыжник и резко подскочила. Тиранда, прижимающаяся к нему, не удержалась и дёрнулась вперёд. Михей подхватил её под локоть и потянул на себя.

– Спасибо, – шёпотом сказала Тиранда, покраснела и опустила глаза.

Михей почувствовал, как на него кто-то пялится. Он поднял взгляд – Кира с усмешкой смотрела на него, не скрывая своей весёлости. Что с ней не так?

– Что смешного? – спросил он, смотря на неё.

– Она миленькая. Твоя возлюбленная?

Тиранда протяжно застонала и отпрянула от Михея, как от огня. Она развернулась к рядом сидящей девочке и стала расспрашивать, как у неё дела. Та заикалась, пытаясь выдать из себя ответ.

– Интересно. – Кира хмыкнула и развернулась к дороге.

Михей покачал головой и закатил глаза. Это раздражало сильнее, чем он мог представить себе.

На очередной кочке Тиранда снова оказалась прижатой к нему, а вскоре под мерный стук колёс она уснула на его плече. Михей напряжённо сидел, боясь побеспокоить её сон. Слова Киры не шли у него из головы, и он принялся всматриваться в лицо Тиранды, чтобы понять, чувствовал ли что-то. Она была миловидна – черты лица с возрастом заострились, а он и не заметил, как Тиранда из девчонки превратилась в красивую девушку. Михей сглотнул. Что ждало её и девочек в замке Эржебет? Слишком много слухов ходило про неё и её виды на детей. Она пила их кровь? Или купалась в ней? Или истязала до смерти, а после пожирала плоть? Что же было в этом правдой? Всё это бредни недоброжелателей госпожи! Но тогда выходит, что Жужанна – злодейка? Он покачал головой. Это было три года назад. Вряд ли Жужанна вообще участвовала в резне в Клушараде. Но она говорила о ней, будто была там... Неужели?.. Но ведь она командует в отряде всеми. И эти глаза. Глаза, которые повидали многое. Кто же она вообще?.. Клушарад... Как Кира вообще может быть на стороне Жужанны после этого?..

– Не хмурься, а то от напряжения морщины будут, а глаза на лоб вылезут, – сказала Кира, наклонившись в его сторону. – Что ты там так тщательно обдумываешь?

– Ты из Клушарада?

– Вот оно что. – Она хмыкнула и скрестила руки на груди. – Он был моим домом, пока не сгорел.

– Это сделала госпожа Жужанна?

– Да.

– Но как ты ей служишь тогда? Разве ты не должна ненавидеть её?

– Почему? – На лице Киры появилась странная улыбка, наполненная грустью и торжеством. Так смотрят на неразумное дитя, которое задаёт слишком много вопросов.

Михей замер, ничего не понимая.

– Почему? – Он нахмурился. – Но она же сожгла Клушарад и всех убила.

– По приказу госпожи Эржебет, руками солдат...

– Приказу госпожи? – Михей усмехнулся. – Разве её это оправдывает? Тебе совсем не жаль? – его голос сорвался на крик.

– Почему мне должно быть жаль?

– Там же была твоя семья...

– Ты вот свою семью благополучно бросил.

– Я сделал это ради сестры. Тебе не понять, – буркнул он под нос.

– Конечно, я ведь сирота. Думаешь, в Клушараде меня ждала счастливая жизнь? – Она зло засмеялась. – Если бы повезло, то горбатилась бы за гроши на какого-нибудь крестьянина, а если нет, то была бы шлюхой...

– Всё не было бы так ужасно.

– Думаешь? Ты был девочкой-сиротой? – Кира хмыкнула. – Так что не пытайся размышлять о том, чего даже представить себе не можешь.

– А губить другие души лучше? Вы же этим занимаетесь?

– Ты поэтому пошёл вместо сестры? Чтобы мы не сгубили её душу?

Кира засмеялась звонко и во весь голос, что привлекло к ним внимание Жужанны. Она придержала лошадь и поравнялась с телегой.

– У вас всё в порядке? – спросила она.

- Михей думает, что мы чудовища, которые убивают детей...
- Я этого не говорил!
- Ты же сказал, что мы губим души? – Кира хмыкнула. – Разве это не одно и то же?
- Но...
- Что ты слышал про госпожу? – вмешалась Жужанна. Она склонила голову набок и тяжело вздохнула.
- Разные слухи ходят, – Михей терялся, не зная, что сказать, чтобы не оскорбить госпожу; Тиранда поёжилась на его плече. – Но я в это не верю.
- Вот как? – доверительно сказала она без издёвок. – Так получается, что мы по своей прихоти это делаем?
- Я в слухи не верю. Что-то вы для госпожи делаете.
- И что за слухи? – сказала она раздражённо.
- Ну... девочки ей нужны, чтобы купаться в их крови...
- Зачем?
- Чтобы сохранить молодость и вечную жизнь...
- Госпожа – лидер. Она уже бессмертна. – Жужанна фыркнула.
- Лидер? Не вампир? – Михей нахмурился. – Как это может быть...
- Кира закатила глаза.
- Вампир? Который пьёт кровь? – Жужанна засмеялась. – Ты думаешь, она имеет что-то общее с этими тварями, обитающими в пещерах и лесах?
- Но разве она ими не правит? Армия тварей помогла ей сохранить Залесье от императора и султана.
- Вот что рассказывают про то, как она сохранила жудец? Армия тварей?
- Но разве всё было не так?
- Жужанна засмеялась, Кира присоединилась к ней. Их смех разбудил Тиранду и приковал к себе внимание всех девочек в повозке. К Жужанне подъехал Марчел, который смотрел на неё с непониманием. Его явно смущало поведение девушек.
- Что происходит, хозяйка?
- Ничего, Марчел. – От смеха она покраснела; её лицо сразу же смягчилось. – Михей рассказывает, какие слухи ходят про нашу госпожу.
- Что она вампир?
- Теперь был черёд краснеть Михея. Тон, с которым Марчел произнёс свой вопрос, заставлял провалиться сквозь землю. Окаянная его бы побрала.
- Как ты догадался? – Жужанна улыбалась.
- На нём были связки чеснока и полыни.
- Чеснок и полынь, – повторила она за ним. – Мне стоило догадаться. Что ещё рассказывают про госпожу?
- Так она лидер... – сказал Михей, Марчел фыркнул. – Но разве это не одно и то же с вампиром?
- Это хуже. Намного хуже, – сказала Жужанна. – Лидер читает мысли, выпивает жизненные силы, управляет тварями, питается младенцами, блудит...
- Жужанна! – вмешалась Кира. – Зачем ты так?
- Как? – Жужанна невинно посмотрела на неё. – Госпожа одержима, и мы доподлинно не можем знать, на что она способна...
- Ты с ней всё это время!
- Что?! – сказал Михей. – Как это вообще возможно?... Кто вы?
- Якорь, что привязан к госпоже.

Жужанна прищипорила коня и ускакала вперёд. Марчел покачал головой и последовал за ней следом. Неужели хмурый капитан оберегал её? Кира тяжело вздохнула – её весёлость испарилась. Она глубоко задумалась.

Михей посмотрел на девочек – они побледнели и притихли. Ну, конечно же! Они слышали весь разговор, который не сулил им ничего хорошего. Он задумался, представляя, что на их месте сейчас могла быть Иния. Он обязан их поддержать.

Михей закрыл глаза и затянул балладу. Сначала его голос был робким и тихим, но с каждой строчкой он становился сильнее и увереннее. Девочки подхватили его песню, и вот уже тринадцать голосов пело про Космину, которая вместо отца отправилась в замок к страшному чудовищу, но чудовище оказалось заколдованным принцем, который, благодаря её любви, вернул себе человеческий облик. Когда они закончили пение, Михей открыл глаза и посмотрел на девочек. Ему показалось, что в их глазах горела надежда, которую зажжёт он. Тиранда прижалась к нему, положила голову на плечо и обняла за руку. Его взгляд наткнулся на Киру – она мрачно смотрела на него и размышляла.

– А ты не думал, что Космина сама стала чудовищем? – спросила она так, чтобы её мог услышать только Михей.

– Нет. Её любовь спасла чудовище.

– Ты в это веришь?

– Да...

– Дурак ты, Михей. Дурак...

Телега не выдержала дорогу с колдобинами. На очередной выбоине она нервно дёрнулась, а заднее колесо отвалилось, заставив девочек в клетке закричать от испуга. Марчел объявил привал, пара солдат осталась чинить телегу, а остальные вместе с девочками и босоркани пошли в сторону поляны, зажатой между рекой и лесом. Солдаты быстро развернули лагерь: разожгли костры, натаскали брёвен, чтобы можно было на них сидеть, кто-то занялся приготовлением похлёбки. Девочки побежали к реке, их дружный строй возглавляла Тиранда, как самая старшая и бойкая. За вереницей последовала Кира, видимо, именно ей Жужанна поручила присматривать за девчонками.

Михей присел на бревно и осмотрелся. Жужанна и Марчел что-то обсуждали недалеко от чащи. Она казалась обеспокоенной и постоянно поглядывала то в лес, то на реку, он же непоколебимо отвечал на все её вопросы. Марчел пару раз протягивал руку к её плечу, но тут же одёргивал, запрещая себе касаться Жужанны. Чтобы это могло значить? Что было между ними? Михей фыркнул, не понимая такие сложности. Ты либо что-то чувствуешь к человеку, либо нет.

К Михею подошёл солдат и протянул тарелку с наваристой похлёбкой. Хотя в ней и не было мяса, но бульон явно варился на нём. Михей отхлебнул – жидкость приятно согревала, а вкус был богатым. Он различил морковь, репу, лавровый лист, душистый перец и баранину, сладковатую и жирную. Михей не заметил, как к нему подседа Жужанна с миской, в которой плавал вожделенный кусок баранины. Увидев его взгляд, она усмехнулась и, подхватив мясо деревянной ложкой, бросила его в тарелку Михею.

– Но зачем? – удивлённо спросил он.

– Твой взгляд пугал. Вдруг бы ты сожрал меня, я лучше остерегусь.

– Да кто бы навредил босоркани? Вас же бояться.

– А меня ты боишься?

– Немного, – глухо ответил он. – Что вы, что Кира странные, но не пугающие.

Михей посмотрел в её глаза. Синие озёра утягивали вглубь, но на их спокойной ледяной глади, ему показалось, что он заметил волнительную рябь. Неужели ей было приятно услышать это?

– Почему же? – Она наклонила голову, будто не верила в его слова и пыталась отыскать в нём фальшь. – Что в нас странного?

– Обычно босоркани старухи. – Михей пожал плечами. – А вы обе молоды. Мне рассказывали, что последняя босоркани в Драгосте была старухой, но она умерла ещё до моего рождения. Почему вы оставили нас?

– Босоркани больше нужны госпоже. Они несут службу для неё.

– Что за служба? Такая, как у вас с Кирой?

– Можно и так сказать...

Михей покачал головой и отпил похлёбки, пряча лицо за миской. Жужанна хмыкнула и тоже погрузилась в еду. Он же достал кусок баранины и впился в него зубами. Мясо разошлось на мягкие волокна, настолько хорошо оно было проварено. Баранина была редким гостем в рационе их семьи – их отары приносили шерсть, из которой пряли, и молоко, из которого делали сыр. Василе резал барашка только по большим праздникам, когда всей деревней чествовали Босору. Тогда посреди большой поляны расставляли длинные столы, а все семьи приносили угощения. Каждый хотел похвастаться своими умениями. Играла музыка, и все жители от мала до велика пускались в пляс. Он редко участвовал в общем веселье, предпочитая наблюдать за ним издалека. Теперь же разочарование холодными пальцами схватило его душу. Он помотал головой. Нет. Всё было верно. К чему ему деревенские радости, когда ему уготована великая участь?

Михей не заметил, как к ним подсел Марчел. Он присмотрелся к нему. На нагруднике красовался чёрный дракон, обвивающий ель – символ семьи госпожи, – а на шее был повязан красный платок, обозначающий, что он капитан отряда. Чёрные волосы он подвязывал в хвост, оставляя пару прядей, спадающих на лицо, подчёркивающих острые скулы. У него были зелёные глаза. Но если глаза Киры напоминали изумрудную листву, то его походили на зелень, выцветшую на солнце.

– О чём разговариваете? – спросил Марчел.

– Михей признался, я и Кира пугаем его. – Жужанна повернула голову к нему. – Разве мы опасны? Скорее опасен ты, Марчел. Голыми руками можешь свернуть шею. Я видела. Да и госпожа опасна.

Михей сглотнул. Теперь Марчел пугал его ещё больше.

– Хозяйка, не скромничайте. – Марчел усмехнулся. – Вы можете наложить порчу на целый judec...

– Не уверена. Я знаю, что есть ритуал призыва чумы и холеры, но не думаю, что мы с Кирой справились бы с такой большой волной энергии. – Она задумалась. – Такое скорее по силам талтошам из Девлета. – Жужанна съёжилась. – Меня никогда не учили причинять вред магией.

– Почему? – Михей вопросительно смотрел на неё.

– Если я не умею драться, значит, не буду лезть на рожон. – Она прикусила нижнюю губу. – Только на таких условиях мне позволено покидать замок.

Её слова были пропитаны болью, охватывающей её. словно к ней можно было прикоснуться. От признания Жужанны Михей поёжился.

– Чем отличается магия талтошей от магии босоркани? – спросил он, сменив тему.

– Они подчиняют магию, а мы её направляем с помощью ритуалов, – отозвалась Жужанна.

– Разве можно атаковать, пока корпишь над снадобьями?

– Над этим работают...

– Те босоркани, что госпожа держит при себе?

– Хозяйка, вы сказали ему про лагерь? – Марчел вопросительно уставился на неё. – Это же секрет госпожи.

– Не такой и большой секрет...

– Госпожа вас туда не пускает. Хозяйка, вряд ли вам можно говорить об этом.

– Я сама решу, что мне говорить и делать, – строго сказала она. – Будь добр, позволь мне это.

Её слова подействовали на Марчела как пощёчина. Михей явственно ощущал, что они ранили его, хоть он старался не подавать виду. На что она так злилась? Ведь Марчел говорил заботливо и обеспокоенно. Он не хотел её обидеть. Почему она так вспыхнула?

Жужанна поднялась с места и села напротив Михея, обращая к нему всё внимание. Марчел тяжело вздохнул и закрыл глаза. Он явно привык к этому и не смел возмутиться.

– Как вы стали якорем для госпожи? Что это вообще? – спросил Михей.

Жужанна не успела ответить, как со стороны реки, где плескались девочки, раздались крики. Они бежали в ужасе к лагерю, Киры с ними не было. Жужанна и Марчел переглянулись и соскочили со своих мест. Плошки с похлёбкой упали на землю, бульон оросил траву. Михей, осушив миску, поспешил за ними.

Их окружили девочки. Они перекрикивали друг друга, бледные руки хватали Жужанну за шаровары. Самые маленькие плакали.

– Тише! – сказала Жужанна. – Отступите. Пусть говорит одна. Где Кира?

Девочки послушно отступили, а Тиранда вышла вперёд. Она сжала кулаки и заговорила:

– Там... у воды... – Голос её дрожал. – Что-то утащило Анну... Кира бросилась за ней...

Чудовище...

– Утащило? – спросила Жужанна хмурясь. – Куда утащило?

– На дно...

– Только Анну?

– Наверное... – Тиранда теребила подол серого платья.

– Их одиннадцать, – вмешался Марчел.

Жужанна кивнула, запустила два пальца в рот и свистнула изо всех сил. На звук к ним подбежали солдаты. Она приказала им следить за ценным грузом. От слова «груз» Михей поёжился. В нём чувствовалось безразличие, которое никак не соотносилось со взглядом Жужанны, наполненным переживанием и страхом.

Она побежала в сторону реки. Марчел тенью следовал за ней. Михей сомневался – остаться с девочками или пойти вместе с Жужанной. Что он может сделать, если там и, правда, чудовище? Перед глазами появилось лицо Киры, которая будет потешаться над его трусостью до скончания веков. Он ни за что не доставит ей такого наслаждения. Собрав волю в кулак, Михей побежал за ними к реке.

На берегу царил необъяснимая тишина, будто они очутились под куполом, который не пропускал ни единого звука. Здесь не пели птицы. Не дул ветер. Не журчала вода. Всё замерло в томительном ожидании. Михей присмотрелся: река остановилась. Стоячая вода напоминала озеро, а густой туман, клубящийся над поверхностью, только усиливал это впечатление. За ним невозможно было ничего разглядеть. Он сглотнул, осознавая, что единственный звук, который отчётливо слышал, был стук его сердца. Тук. Тук. Тук.

– Что здесь происходит? – спросил Михей, обнимая себя за плечи.

– Ты что здесь забыл? – спросила Жужанна, расстёгивая пуговицы камзола. – Это опасно!

– Он хочет помочь, – сказал Марчел. – Позвольте, хозяйка.

– Ладно! – Она стянула с себя камзол и бросила его под ноги Михею. – Но делай, что велят. Без глупостей.

Михей кивнул.

Жужанна потянулась к шнурку, который удерживал шаровары. Марчел схватил её руку и оттянул. Она замерла, уставившись на него. Михей нахмурился, не понимая, что её так ошарашило.

– Я сам полезу в воду, – твёрдо сказал он.

– Но... – сказала она.

– Охраняй хозяйку, – бросил он Михею, стягивая куртку и бросая на землю. – Если не вернусь, то уводи её.

– Но как же Кира? И Анна? – спросил Михей.

– Я сделаю всё, что смогу, – Марчел повернулся к реке.

– Постой, – выкрикнула Жужанна, отойдя от замешательства. – Их забрала штима. Так просто она их не отдаст.

– Штима? – спросил Михей.

– Речной дух.

– Но разве это не просто сказки?

– Нет, – одновременно сказали Марчел и Жужанна.

– И что нам делать?

– Нужна жертва, – сказала она. – Подношение духам.

– Вы уверены, хозяйка? Нельзя просто вытащить их из реки?

– Вы слышите крики? Или голоса? – Они покачали головой. – Именно. Реки, озёра и другие водоёмы – места, где граница между нашим миром и нижним размыта. Штима утащила их вглубь. Просто силой мы не справимся. Нужна жертва.

– И что за жертва? – спросил Михей.

– Я готов, – сказал Марчел, закатывая рукава рубашки.

Жужанна подошла к нему и сняла кинжал с пояса. Он протянул к ней руки, и она сделала два продольных надреза – от локтя к запястью, – из которых тут же потекла кровь. Михея удивило, что ни один мускул не дрогнул на лице Марчела, как будто для него было обыденностью порезать руки. Он даже не спросил, зачем это нужно. Такая безропотная покорность пугала Михея.

Марчел полез в воду.

Река была на удивление широкой и глубокой, с бурными порогами. Хорошо, что всё застыло в полудрёме – в течении вряд ли бы они нашли живыми Киру и Анну. Побережье было усыпано мелкой галькой, горячей от дневного солнца. В воздухе витала тяжёлая влага, которая сковывала дыхание.

Жужанна уверенно вошла в реку за Марчелом. В середине течения она доходила ей до пояса. Они остановились. Жужанна схватила его за руки у локтей, приподнялась и поцеловала. Легко и воздушно. Если бы Михей не видел, то ему показалось, что она просто ткнулась губами в Марчела. Это выглядело нелепо, но он заворожённо смотрел, задержав дыхание и не упуская ни одного жеста. Марчел отстранился, глубоко вдохнул и нырнул.

Вода стала краснеть. Течение, нарушив все законы природы, прибивало волны поперёк к берегу. Река заволновалась, выгоняя Жужанну. Она с трудом удерживалась на ногах. Михей ринулся к ней. Он вскрикнул, почувствовав, что вода была горячей и становилась с каждым шагом всё горячее. Будто кто-то решил вскипятить реку.

Михей схватил Жужанну и потянул на себя – она отрешённо смотрела на воду, где исчез Марчел. Вода из красной побурела, превращаясь в коричневое месиво. Туман, окутывающий воду, лёг плотной стеной. Михей обернулся – берег исчез.

Река продолжала бурлить, нагреваться и пениться, превращаясь в котёл, где варили их. Михей зачерпнул – на руке осталась густая слизь. Он поднёс руку к носу и принялся – пахло гнилью и кровью. Он отшатнулся в ужасе, выпуская из рук Жужанну, и, не рассчитав движение, споткнулся и повалился на спину. Михей беспомощно расставлял руки, напоминая ране-

ную птицу, но ухватиться было не за что, и он упал. Больно ударившись о дно, он попытался оттолкнуться, но ничего не вышло – плотная бурая жижа не пускала и не давала двигаться. Он сопротивлялся, но попытки были тщетны: ни река, ни жижа не пускали его, а тянули вглубь. Неужели истории о штима правдивы? И они оскорбили духа, который теперь пожрёт их всех? Не проще было бы оставить девчонку и Киру и не лезть в это? Михей перестал сопротивляться, отдавшись штиму полностью. Он закрыл глаза и принялся молиться Босоре. Он умолял богиню даровать ему спасение, обещал, что будет рьяно чтить её и соблюдать все ритуалы. Всё что угодно, лишь бы выжить.

Михей почувствовал, как что-то схватило его за плечо и потянуло в сторону, выталкивая на поверхность. Он был целиком во власти штимы, словно соломенная куколка, подаренная Инией. От ужаса, сковавшего его сердце, он не в силах был разомкнуть глаз. Да и к чему бы это? Он ощущал тёплую жижу на лице, теле, конечностях. Ему казалось, что она проникает сквозь кожу, разлагая его душу.

Он откашлялся, открыл глаза и понял, что стоит. Что-то поставило его. Вода успокоилась, а туманная пелена превратилась в кроваво-красную завесу, которая окутывала, как кокон, тёплый и непроницаемый. Он обернулся в поисках Жужанны, но её нигде не было. Как он мог потерять её? Он не должен был отпускать её! Марчел же просил.

Михей попытался определить, где берег, но за туманом ничего не было видно, как бы он не шурился. Рядом проплыла коряга. Так здесь есть течение? Выбрав направление от коряги, он медленно пошёл. Каждый шаг давался с трудом, будто он ступал по илистому дну болота. Шаг. Ещё один. Помочь руками. Переставить ноги. И, может быть, ты найдёшь берег. Михей остановился – рядом проплыла та самая коряга. Но как такое возможно? Он же двигался поперёк. Он почувствовал, как внутри живота затягивается узел тревоги, а ноги становятся вялыми, неподъёмными. Ему не выбраться. Эта мысль захватила его сознание. Как он здесь оказался? Что происходит? В ушах зазвенело, а в нос ударил мерзкий запах, в котором он сразу узнал запах гнилых слив. Только не они. Где-то вдаль он услышал тонкий голосок, мурлыкающий под нос. Кто это может быть? Он слишком похож на голос Инии. Он пошёл на него, веря, что её душа, хоть и вдалеке, выведет его. Или дух реки его морочит? Но не лучше ли встретить страх лицом к лицу?

Михей шёл на голос. Мелодия усиливалась, а он упрямо следовал за ней. С каждым шагом голос всё меньше походил на Инию, становясь взрослым. Звук резко оборвался, а позади раздался звонкий смех. Он сглотнул, не понимая, что происходит. Он обернулся на голос, а смех снова оказался за спиной. Поворот – смех снова за спиной. Ещё и ещё.

– Покажись, – приказал Михей и замер.

Девичий смех раздался над ухом, и он резко развернулся. Перед ним стояла Жужанна. Её глаза наливались красным в цвет тумана, а волосы растрепались и выбились из косы, спадая непослушными волнами.

– Что происходит? – спросил, хмурясь, он. – Я думал, потерял вас.

– Но теперь же нашёл. – Её голос прозвучал низко. Слишком низко.

Она приблизилась к нему. Михей сглотнул. Его взгляд упал на пухлые губы, которые она облизнула, будто желая, чтобы к ним припали как к живительному источнику. Близость пугала Михея. Он почувствовал ледяное дыхание на своей коже. Она протянула к нему руку – холодную – и провела ей по щеке, пронзая иглами. Жужанна приподнялась на носочках, чтобы его поцеловать. Михей сразу же отпрянул от неё.

– Что вы делаете? Зачем это? Нам нужно найти Анну, Киру и Марчела.

– Это часть ритуала. Жертва для штимы, – слова обдали его холодом. – Ты же обещал. – Она нахмурилась.

Он обещал, что будет слушаться её беспрекословно. Михей подошёл к ней – Жужанна схватила его за шею и притянула к себе. Он зажмурился, внутри всё сжалось. Ему было

страшно и тревожно. Не так он представлял себе первый поцелуй. Нет, он, конечно, о нём не думал. Он же не какая-то романтическая девчонка, но в случайных мечтах такого точно не было. Её губы были холодны и ранили. Михай чувствовал, как обветренная кожа царапала. Во рту стоял металлический привкус крови, которой подзывал тошноту, и к нему примешивались тина и гниль. Почему это так отвратительно? Ему казалось, что она пытается сожрать его. Когда Жужанна прикусила его язык, он резко оттолкнул её.

Михей сплюнул – сгустки крови полетели в воду. С трудом он удержал содержимое желудка. Голова туманилась и кружилась. Он поднял на Жужанну глаза и вскрикнул от ужаса и отвращения. Перед ним стояло нечто, в очертаниях которого угадывалось женское тело, искажённое и изуродованное. Серая кожа была натянута на кости, которые в некоторых местах проткнули её, то, что было раньше глазами, превратилось в бельмо, а вместо волос – бурая тина, пучками свисающая с головы. Михай почувствовал, как рвотный позыв поднимается из глубины желудка. Он не сдержался и стошнил, скрючившись пополам. Во рту стояла противная кислая горечь. Штима – а кто же ещё? – громко засмеялась, но в смехе больше не было лёгкости и звонкости, они сменились на зубоскальство. Он протёр рот, стараясь отдышаться. Штима приблизилась к нему – Михай замер, боясь пошевелиться. Она провела костлявой рукой по его щеке, а затем впиалась в него губами. Он ощутил, как длинный шершавый язык проникает в его глотку, и закрыл глаза, надеясь, что это закончится. В этот миг ему показалось, что она выпивает из него все соки, а жизнь медленно покидает. Но что-то внутри пыталось бороться, отстаивать крупички жизни. Он не знал, что это было.

Поцелуй прервался так же резко, как и начался. Михай широко распахнул глаза и понял, что сидит на берегу реки. Туман рассеялся. Пелена спала с его глаз, и он понял, что пялится на воду. Он повернулся на возню и голоса и увидел, что Жужанна, промокшая, сидит у ног Марчела и перевязывает его раны, а Анна и Кира, замотанные в какие-то тряпки, сидят поодаль и жмутся друг к другу, пытаясь согреться.

– Что случилось? – спросил Михай. Он попытался встать, но голова кружилась.

– Штима приняла жертву, – сказала Жужанна, – ты очень помог. – Она выдавила кривую улыбку. – Голова не болит?

– Как будто из меня выпили жизненные силы. – Михай подтянул колени к груди и обнял их. – Что это было?

– Штима выбрала тебя в качестве жертвы. – Она проверила руки Марчела, убедившись, что раны в порядке, встала и бросила солдатам: – Не сводите глаз с девчонок. Они нужны нам в целости и сохранности. Понятно?

Солдаты дружно закивали и потащили Анну к другим девчонкам. Кира насмешливо проводила их. Жужанна подошла к Михай и протянула руку. Он принял её помощь и встал.

– Расскажи, что произошло. – Жужанна натужно улыбнулась. – Ты внезапно исчез.

– Я искал вас, потом думал, что нашёл, но это оказалась штима в вашем облике, – говорил он. – Она целовала меня. – Щёки заалели.

– А ты и рад, небось? – спросила Кира, подойдя к ним.

– Она сказала, что это ритуал. Мне, вообще-то, было противно.

– Конечно. Противно. Так я и поверила...

– Могла бы поблагодарить меня. Я всех спас! – Михай сжал кулаки. Как же его раздражала Кира.

– Спасибо, Михай, – сказал Марчел, вмешиваясь в их разговор. – Кира!

– Да-да... Чтобы мы делали без такого героя...

– Довольно! – сказала Жужанна. – Чему нас учит Босора, Кира?

– Ненавидеть мужчин?

– Благодарности. – Она закатила глаза. – Что с тобой поделать?

– Понять и простить. – Кира хмыкнула, развернулась и пошла в сторону лагеря.

– Не переживай, – Жужанна обратилась к Михею. – Ей просто трудно принимать помощь...

– Помощь от мужчин, я бы добавил, – сказал Марчел. – Поздно уже, хозяйка. Отдохните, а я усилю караул.

Жужанна кивнула и ушла. Михей последовал за ней к костру, у которого сидели девочки. Тиранда подняла на него взгляд и ударила по земле, приглашая сесть.

– Тут очень холодно, – сказала она. – Ты мог бы обогреть меня.

Михей присел рядом, но тут же между ними уселась мокрая Кира.

– Раз вы тут греетесь, то я с вами, – она протянула руки к костру. – Двигайся, Михей. Ты же у нас спаситель дев.

Михей хмыкнул, но придвинулся. Киру пробивала мелкая дрожь. Он обнял её, она положила голову ему на плечо. Сбоку фыркнула Тиранда. Это был последний звук, что он услышал, прежде чем задремал.

Глава 3.

Михей протёр глаза, привыкая к темноте. Силы после встречи со штимой восстанавливались очень медленно, но восстанавливались – к концу дня голова перестала болеть, а тошнота отступила. Тиранда мерно посапывала на плече, напоминая Инию – такая же нежная и беззащитная. Кира предпочла его не замечать. После того как объявили, что телегу починили и они могут отправляться в путь, Кира делала вид, что Михей был для неё пустым местом. Подшутить над ней, напомнив, как они сидели у костра, прижавшись друг к другу, он не решался.

С наступлением сумерек воздух стал тяжёлым. Его явно не хватало, а это означало, что они почти добрались до замка. Верчице был вырублен в горе, и поговаривали, что простирался далеко вглубь. Михей слышал, как в Драгосте верили, что здесь можно найти путь к окаянной среди лабиринта подземелий. Сердце замерло от томительного предвкушения. Девочки, дремавшие под мерный стук колёс, проснулись и вылупили глаза, возбуждённо озираясь по сторонам. К любопытству примешивался страх. Михей разделял их чувства. Это напоминало детство, когда, замерев, ты не знал, чего ожидать от Василе – он мог и приласкать, и надавать тумаков, после которых боль ощущалась несколько дней. Любой исход был одинаково возможен, поэтому предвкушение ранило сильнее побоев.

Верчице напоминал паука, который бесчисленными глазами-оконцами следил за посетителями. В то же время он походил на угловатого подростка, который ещё не успел принять изящные и округлые формы: прямые кремовые стены, без каких-либо арок, треугольные крыши, простоту и строгость которых совершенно не ожидаешь от замка марежуда Седмиградья. Даже дом старосты в их деревне выглядел наряднее. Михей выдохнул, чувствуя подступающее разочарование. Он бросил взгляд назад и увидел, как высоко они забрались. Пропать, оставленная за ними, кружила голову. Он с ужасом представил, как стоит на обрыве и смотрит на бесконечные зелёные леса. Не дай Босора упасть! Михей повернулся к девочкам. Они притихли и заворожённо ждали своей участи.

Они проехали высокие деревянные ворота, увенчанные острыми пиками, на каких могли вывешивать головы непокорных и несогласных. Воображение Михея живо представило ему, как капли крови стекают по стенам – тягуче и лениво. Телега остановилась посреди большого двора, усыпанного мелкими камнями, которые показались ему острыми, как пики, торчащие на воротах и стенах. К их темнице подошёл Марчел и отворил дверцу, отделяющую их от мира. Но хотел ли Михей оказаться в этом мире?

– Выбирайтесь, – сказал Марчел, обращаясь к девочкам; голос его звучал на удивление мягко. – Аккуратно. – Он протягивал им руки, а самых маленьких подхватывал под грудки, доставая из телеги.

Михей дожидался, пока девочки покинут клетку, но не заметил, когда Кира сбежала из неё. Он вышел последним и захлопнул дверцу. Марчел одобритительно кивнул и отошёл к солдатам, которые уже выстроились рядом с детьми. Жужанна склонялась над каждой девочкой, проверяя всё ли с ней хорошо, а после отправляла в длинную шеренгу, за которой следила Кира. Михей поплёлся в её сторону – там же стояла Тиранда, возглавлявшая колонну, – но Жужанна выставила руку, которой упёрлась в его грудь, останавливая.

– Ты не пойдёшь с ними, – сказала она. Михей вопросительно посмотрел на неё. – Я отведу тебя к госпоже. – Она выдавила улыбку, за которой скрывалась тайна. Но какая? Он не мог и предположить. Жужанна выпрямилась и обратилась к Кире: – Отведи их в восточное крыло. Пусть Маришка отведёт их в купальни, а Агата приготовит ужин. С мясом. Дорога их измотала.

– Хорошо, – ответила она. – Пошли, малявки.

Тиранда мельком посмотрела на Михея и поджала губы – явно разочарованно. А что она хотела? Его путь вёл к госпоже.

– Тебе тоже стоит помыться, – сказала Жужанна, подходя к нему. – Негоже перед госпожой появляться, воняя тинной и гнилью. Следуй за мной.

Он не успел ответить, что это из-за его помощи им, как она развернулась и пошла вперёд, прочь от девчонок – видимо, в западное крыло.

Всю дорогу Михей постоянно оглядывался, пытаясь запомнить и разглядеть каждый уголок замка. Несмотря на поздний час, вокруг было очень светло, будто день стоял на дворе. Множество подсвечников освещали коридоры и комнаты, разгоняя ночную тьму. От этого у Михея заслезилась глаза – он никогда не видел столько света. Дома всегда царила тьма, нарушаемая жалкой парой свечей. Стены блистали кристальной белизной ослепляя. На них висели картины: пейзажи с далёкими полями, величественными горами и таинственными лесами; портреты расфуфыренных людей – вероятно, предков госпожи Эржебет, – одежда которых была усыпана дорогими камнями, которые с особым рвением выписали художники.

Они добрались до винтовой лестницы, ведущей вниз, в подземелье. Каждый шаг по камню отдавался гулким звуком, рассекающим тишину – их верную спутницу. Жужанна сохраняла молчание, и по дороге им не встречались люди. Ни слуги. Ни солдаты. Ни другие девочки. Никто. Неужели, только заслышав стук каблуков Жужанны, они прятались по закуткам, чтобы не раздражать её? Какой властью она обладала в замке? Это из-за того, что она якорь госпожи? Что это вообще такое? Всё путешествие Жужанну беспрекословно слушались все, даже капитан стражи Эржебет. Особенно капитан. Михей вспомнил, как он называл её хозяйкой. Хозяйка. Слепая вера и безоговорочное обожание. Марчел словно был её ручным псом, как Люпус для Михея.

Лестница резко оборвалась, и они очутились в подземной пещере. Здесь царил приятный полумрак, и было очень сыро. Тишину нарушали падающие капли. Кап. Кап. Кап. Звук был размеренным и действовал успокаивающе, отгоняя тревоги, преследующие его со встречи со штимой. Жужанна повернула налево и скрылась в темноте, оставляя Михея одного. Без её близости спокойствие сразу же испарилось, будто его и не было. Теперь темнота подземелья давила, а стук капель раздражал. Мрак был его вечным спутником, но дома и в горах с ним рука об руку шёл свет звёзд и луны, который дарил надежду. Здесь же жили тоска и отчаяние. Он ощущал это кожей.

Яркая вспышка света, появившаяся слева, озарила подземелье – Жужанна зажгла свечи, стоящие на столе, заваленном склянками, пучками трав и цветов. Видимо, это место было её лабораторией. Михей развернулся и увидел, что в глубине пещеры разлилось большое озеро. Его тёмные воды манили, зовя окунуться в них. Он заворожённо глядывался в гладь, а тревога расплзалась по всему телу. Что скрыто в его водах? Какой дух притаился? Михей присмотрелся и заметил, как от озера исходило тусклое фиолетовое свечение, похожее на дымку, что иногда застилает мир на рассвете.

– Впечатляет? – спросила Жужанна; её голос раздался возле уха, а дыхание приятно обожгло.

– Да, – сглотнул он, поворачиваясь к ней. – Зачем мы здесь?

– От тебя воняет, Михей. Госпоже это не понравится. Раздевайся, – приказала Жужанна.

– Отвернитесь, пожалуйста, – прошептал он и опустил взгляд. Ему очень не хотелось, чтобы она увидела его растерянным и одолеваемым страхами. Не в этот раз. Не сейчас.

– Мне казалось, что ты более бойкий. – Она хмыкнула и отошла.

Михей выдохнул и посмотрел ей вслед – внимание Жужанны привлек сундук, стоящий у стола. Она ловко достала из него одежду и, не оборачиваясь, бросила в его сторону.

– Думаю, тебе это подойдёт. Как разденешься – полезай в воду.

После она занялась связками трав: отщипывала ингредиенты и бросала их в деревянную ступку. Она явно задумала какое-то зелье. Но зачем? Он постеснялся спросить.

Михей принялся раздеваться и размышлять, почему он стыдился Жужанны. Это чувство было незнакомым. Он точно знал, что у него поджарое тело, которому завидовали многие парни в Драгосте и даже его братья, а девушки мечтали остаться с ним наедине. В чём же тогда проблема? Неужели близость к госпоже Эржебет делала его недотрогой? От этого все непонятные чувства? Как хотелось бы ему, чтобы всё было проще. Намного проще.

Первым делом Михей развязал ленту с запястья и с особой любовью спрятал её в карман. После снял остальную одежду. Холодный ветер тут же обдал всё тело. Он поёжился прикрываясь. Кожа покрылась мурашками, а волосы на теле вытянулись, словно солдаты на плацу перед муштрой. Михей поднял чистую одежду и поплёлся к воде. Уложив её на берег, он с опаской, жмурясь, носком дотронулся до воды, ожидая, что она будет ледяной. Но тут же открыл глаза – озеро было на удивление тёплым.

– Вода тёплая.

– Удивлён? – Жужанна хмыкнула. – Полезай. Мы и так опаздываем.

– Госпожа ожидает меня? Она знала, что я приду?.. Это, правда, судьба...

– Никакое это не провидение. Марчел ей уже доложил. – Жужанна усмехнулась. – А вот нагоняй будет настоящим, если не поспешим.

Михей пожал плечами и резко залез в воду. Громкий хлоп раздался под сводами пещеры, разносясь далеко вдаль. Он сразу же погрузился до шеи, с трудом доставая до дна. Озеро приятно ласкало тело и обволакивало, когда он принаровился, держась на поверхности, чтобы не утонуть. Михей задержал дыхание и нырнул с головой. Из головы сразу вылетели все мысли, страхи и сомнения. Существовали только он и вода, которая дарила силы. Он отчётливо ощутил, что встреча со штимой далеко, а он наконец-то в безопасности и ждёт встречи с госпожой. Госпожа. Как много в этом слове, что невозможно выразить. Скоро они встретятся.

Михей вынырнул и увидел Жужанну, сидящую на берегу. Она стянула сапоги и босыми ногами била по глади озера, разбрызгивая капли во все стороны, рядом с ней стояла свеча и ступка.

– Вот ты где, – сказала она, уставившись на него. – Подойди. – Жужанна ударила рукой рядом с собой.

– Зачем?

– Я сделала для тебя мазь из трав, которые любит госпожа. Будешь пахнуть васильками, сливами и розмарином.

– Сливами? – Михей скривился.

– Не нравится? Ты же вырос в сливовом саду.

– Но зачем мне нужно пахнуть?

– Госпоже это будет приятно. – Жужанна скривилась. – Она чувствительна к запахам. А вообще, что ты всё спрашиваешь? Делай, как велено, и не болтай, а то Босора тебя покарает.

– Босора? Не вы?

– Моими руками. Я же её верная слуга, – хмыкнула она, протягивая ступку с травами.

Михей взял и принялся: от смеси исходил кисло-сладкий запах, который оттенялся пряными травами и васильками. Аромат походил на их сливовый сад. Ненавистный запах.

– Что мне с этим делать? – спросил Михей, пытаясь сосредоточиться на пряных травах, отгоняя запах слив.

– Втирай это в кожу головы, а потом смой.

– Вот так? – Михей взял немного мази, сливовый аромат ударил в нос, вызывая приступ тошноты. Смесь упала в воду.

Жужанна закатила глаза, отняла у него ступку и властным голосом, не дрогнувшим ни разу, произнесла:

– Развернись и подставь голову.

Михей безропотно подчинился. Жужанна притянула его к себе – он оказался между её ног – и запустила пальцы в волосы, втирая мазь. Михей почувствовал, как разряд молнии пробежал по всему телу. Это было чем-то новым и непознанным. Он с особой остротой ощущал каждое быстрое движение Жужанны. Запах слив Михей перестал замечать. Она ловко закончила с головой, перешла к затылку и спустилась к шее. Михей подавил стон и прикрыл глаза, отдаваясь наслаждению и в сердце надеясь, что она не заметит его удовольствия. Было в этом что-то тёмное и порочное, с чем у него не было сил совладать. Он жаждал, чтобы её прикосновения были основательнее, нажим сильнее, но Жужанна лишь мимолётно трогала кожу, нанося мазь. Запах окутал его целиком, и Михей уже не мог представить, как жил без него.

– Смой теперь это, – сказала Жужанна, отстраняясь.

Он с трудом подавил стон разочарования.

– Хорошо, – выдохнул он.

Михей с головой нырнул в озеро, охлаждая свой пыл. Под водой он пробыл несколько мгновений, пытаясь успокоиться. Разочарование, оттого что она прекратила свои прикосновения, разлилось по всему телу и возвратило к реальности. Двойственность ощущений пугала. Михей провёл руками по волосам и телу, избавляясь от мази, и всплыл.

Жужанна уже встала и отошла от берега. Он вылез из воды, взял чистую одежду и надел её. Закончив, быстро осмотрелся: штаны и рубашка отлично сидели, будто на него и шили. Михей накинул поверх вышитый маками чёрный жилет, с меховой обивкой – слишком дорогой для такого, как он, – и заговорил:

– Зачем госпоже девчонки? – Он достал ленту и перевязал левую руку.

– Ты закончил? – спросила Жужанна, повернувшись к нему; на её лице возникла довольная улыбка. – Тогда идём.

Она развернулась и пошла вперёд, игнорируя его вопрос.

– Но, правда, что ей нужно? – сказал он, поравнявшись с ней.

– Госпожа лидерец. Ей нужна энергия, – пробурчала она под нос.

– Энергия? Как штиме?

– Да, что-то похожее...

Они поднимались по лестнице.

– Теперь отведёте поесть? – спросил он, когда они добрались до середины лестницы.

– Нет. Ты и так полон энергии. Что удивительно. – Она задумалась.

– Почему удивительно?

– Я... – Она покачала головой. – Мы идём к госпоже. Всё остальное – потом.

Жужанна прибавила шаг, показывая, что они спешат. Михей вздохнул, но пошёл в её темпе. Внутри всё сжалось от предвкушения.

Они пронеслись по замку с такой скоростью, что Михей не запомнил дорогу и не восхитился обстановкой. Про себя он отметил, что, несмотря на царящий свет в замке, местом он был мрачным, хоть и пытался тщательно скрывать это. Коридоры были узкими, давящими на всякого, кто по ним шёл. Проходы и арки были отделаны острыми пиками, напоминающими острые волчьи клыки. Казалось, что они ждут, чтобы впиться тебе в глотку. Вся мебель была из чёрного дерева, что придавало помещениям тяжесть. Казалось, что предметы затягивали в себя весь свет. Чёрный бархат штор окутывал окна. Холод, царивший в этих стенах, правил вместе с тишиной, нарушаемой лишь стуком каблуков сапог Жужанны.

Они остановились у деревянной двери, на каждой створке которой были вырезаны по дракону, обнимающему ель. Жужанна схватила кольцо кнокера и ударила им три раза. Глухой стук раздался по коридору, возвещая об их приходе. После она потянула дверь на себя и отворила её.

Михей ожидал увидеть величественный зал, где госпожа принимала просителей и гостей, но это оказались её личные покои. В нос ударил сильный запах слив и розмарина, теперь ему казалось, что и его нутро пропахло этим букетом. В комнате было темно, непроницаемые тени лежали повсюду. Михею пришлось прищуриться, чтобы хоть что-то разглядеть. Теперь он различил лунный свет, который синими пятнами лежал на огромной кровати, занимающей половину комнаты и укрытой под тёмно-бордовым балдахином. Свет тонул в тёмных струящихся простынях. Михей почувствовал необъяснимое желание прикоснуться к ним, чтобы ощутить их мягкость и роскошь, почувствовать, как они проскальзывают сквозь пальцы.

Сбоку вспыхнули свечи, он сразу же повернулся туда и увидел, как женщина в ночной сорочке сидит у зеркала и расчёсывает чёрные волнистые волосы до пояса. Она проводила гребнем по ним с лёгкостью и нежностью, но Михей понимал, что одно неверное движение, и она проткнёт или поцарапает фарфоровую кожу.

– Госпожа Эржебет, – стиснув зубы, сказала Жужанна, стараясь скрыть раздражение.

Госпожа остановилась, отложила гребень и повернулась к ним. Михей, не удержавшись, ахнул, бесстыдно пялясь на неё. В его глазах Жужанна сразу же потеряла привлекательность. А выдержала бы Кира сравнение с госпожой? Острые и утончённые черты лица, которые были у Жужанны, померкли; волосы, которые он считал до этого великолепными, теперь казались жалкой выпцветшей ветошью. Синие глаза-озера превратились в лужи, стоило ему увидеть холодные голубые глаза госпожи. Всё то, что было у Жужанны, меркло в лучах красоты госпожи. Жадный взгляд Михея скользнул ниже по фигуре, отмечая каждый изгиб и округлость тела. Там, где Жужанна была приятна, Эржебет была восхитительна. Кожа госпожи была без единого изъяна: ни одной родинки, ни одного шрама – когда босоркани была вся искалечена и изуродована. Мысль, что он пялится на марежуда, не стесняясь и не прячась, залегла на уголке сознания, но он не мог ничего поделать с собой и продолжал смотреть, будто его околдовали. Рассказы, что он слышал о госпоже, не передавали даже толику правды.

Госпожа Эржебет засмеялась, и Михей поднял глаза на неё. Она поощряла его, осознавая свою власть над его умом и сердцем.

– И кого же ты привела ко мне, дочь? – голос госпожи был низким, пьянящим.

Дочь? Михей замер и уставился на Жужанну, подмечая её сходство с госпожой. Они были похожи, но так отличны: если дочь являла холодность и безразличие, то мать воплощала огонь и страсть, которые так и рвались изнутри. Как же он не догадался, что Жужанна – дочь госпожи? Понятно, почему Марчел ей подчинялся беспрекословно. Это не любовь, а рабство... Но почему она тогда босоркани? Разве наследница рода может быть простой ведьмой? А откуда у неё шрамы от ожогов? Почему она ездит за девочками? Пристало ли ей это? От вопросов, роящихся в голове, становилось плохо. Михей пытался вспомнить, что он вообще знал про дочь госпожи, но ничего не лезло в голову.

Он покачал головой, отгоняя бессмысленные вопросы. Женщины внимательно смотрели на него, будто ожидая ответа. Они что-то спросили?

– Что? – протянул неуверенно он, стыд захватил сознание.

– Он ещё и мечтатель, – хмыкнула госпожа Эржебет. – Покажи ленту, – произнесла она уже мягче.

Михей закатал рукав рубашки и подошёл к госпоже. Она схватила его за руку – прикосновение было грубым и спешным, – провела по ней, задевая острыми ногтями кожу рядом с лентой. Это было совсем не то, что ему бы хотелось. Михей прикусил нижнюю губу, когда госпожа поцарапала место рядом с веной. Пряные запахи, что исходили от неё, заставляли глаза

слезиться. Разве таким должен быть долгожданный момент встречи? Михей неотрывно смотрел, как пальцы исследуют ленту. Глядя на кожу Эржебет вблизи, он увидел тёмное сияние, исходившее от неё. Оно отличалось от всего того, что он видел до этого. Если сияние овец и озера распространялось, озаряя всё вокруг, то сияние Эржебет поглощало. Это пугало. Очень пугало.

Закончив изучать ленту, госпожа отстранилась. Михей резко выдохнул с облегчением.

– Это моя лента. Но, Жужа, я не понимаю, почему ты привела его вместо сестры? – Она скрестила руки, продолжая смотреть на Михея. – Хотя... Есть в нём что-то...

– Ему предсказали волчью участь. – Жужанна не смотрела на мать; всё её внимание было приковано к балдахину кровати.

– Волчью участь? – Глаза госпожи заблестели; она поднесла руку к пухлым губам и провела по ним. – Неужели.

– Волчья шерсть... Родители нашли шерсть среди даров, – на одном дыхании выпалил Михей.

– Так почему они скрывали это двадцать лет? – госпожа помрачнела; тёмное сияние окутало её с ног до головы; Михей мог поклясться, что оно было готово поглотить его и всех вокруг. В нос ударил запах гнилых слив. Не сейчас. Только не сейчас. – Ты хоть представляешь, что они сделали? – грозно сказала она. – Они нарушили клятву – служить верой и правдой госпоже. Они не желают добра ни Залесью, ни Седмиградью. Так это понимать?

Михей сглотнул, чувствуя, как страх липкими руками стягивает его горло и живот; во рту пересохло. Он испугался госпожу. Пытался ответить ей, но вместо слов только шевелил губами, как рыба, выброшенная на берег. Беззащитная. Безропотная. Ожидающая смерти.

– Никак нет... госпожа. – Он сглотнул, пытаясь совладать с собой; чем пронзительнее госпожа смотрела на него, тем ничтожнее он ощущал себя.

– Почему ты открылся Жуже? – спросила она, проводя острым и длинным ногтем по его губам. – Правда, чтобы спасти сестру? Что ты думаешь, я с ней сделала бы? – Она надавила на нижнюю губу, протыкая её. Михей почувствовал стекающую каплю крови.

– Я не знаю, госпожа.

– Думаешь, я бы выпила её кровь? Или бы замучила до смерти? Ты в это веришь, Михей? – Она продолжала давить на рану, углубляя её. Тонкая струйка крови текла по подбородку. Тёплая. Тягучая.

– Нет, госпожа. Вы не такая... – Он сглотнул; во рту ощутил металлический привкус крови.

– Так зачем поменялся с сестрой? – Её глаза пожирали его и выжигали душу, но он не в силах был отвести от них взгляд. Всё что угодно, чтобы доставить ей удовольствие. Любое. Любой ценой.

– Я хотел видеть вас, госпожа, – выпалил Михей на одном дыхании. – Вы отметили меня. Я хотел служить только вам. – Госпожа убрала руку; он разочарованно выдохнул. – Только для вас моя волчья участь. Только для вас. Позвольте мне быть подле вас. Умоляю. – Михей упал перед ней на колени и потянулся к подолу сорочки.

Тёмное сияние захватывало его, поглощая. Он был готов отдать всего себя только ради госпожи. Нет. Что-то внутри него запротестовало. Что-то похожее на ту силу, что боролась со штимой, но потуги оказались тщетны. Их даже не заметила госпожа. Ему стало тошно от самого себя.

Она громко засмеялась и отстранилась от него. Михей почувствовал себя брошенным и одиноким, но сияние стало отступать и тускнеть. Он моргнул несколько раз и уставился на госпожу – сияние исчезло. Она усмехалась, глядя на него, а Жужанна отрешённо смотрела – уголки губ опустились.

– Что мне делать с ним, госпожа? – спросила Жужанна. – Отправить в деревню?

– Жужа. Жужа... – Госпожа щёлкнула языком и скрестила руки на груди. – Вроде бы босоркани, а не чувствуешь силы, которая исходит от него. Он действительно верит в свою избранность.

– Но я избранный, – упрямо сказал Михай. Он почувствовал, как голова его прояснилась, и в ужасе вскочил на ноги. – Колдовство... – прошептал он под нос, веря, что его не слышат.

– Именно, Михай. – Госпожа усмехнулась и посмотрела на него, как хитрая кошка на охоте, затаившаяся в ожидании мыши. – Колдовство. Скоро ты узнаешь об этом больше... Намного больше... Ты боишься меня?

– Да, – кивнул он. – Но я и обожаю вас. Вы наша спасительница.

Её лицо расплылось в улыбке.

– Жужа! Отведи его в комнату в северной башне. Он будет жить там.

– Но, госпожа, вы уверены?

– О да. Будешь с Кирой готовить его к ритуалу.

– Ритуалу? – Жужанна нахмурилась. – Вы признаете его волчьим отроком?

– Да. Ты же чувствуешь форт, исходящую от него? Её нужно обуздать, и ты поможешь ему. Он даже сопротивлялся мне.

– Разве это не странно? – осторожно спросила Жужанна.

– Не веди себя, как деревенская глупая девка, – зло рявкнула госпожа. – Он избранный. А теперь, – она улыбнулась Михай, пугая его такой резкой переменной, – нам всем нужно отдохнуть. Увидимся завтра. Всё понятно, Жужа?

– Да, госпожа. – Она опустила голову и поклонилась.

Михай повторил за ней. Он не верил своей радости, что все его мечты станут реальностью. Он не заметил, как Жужанна схватила его за руку и потащила прочь из комнаты. Он мог биться об заклад, что госпожа смотрела им вслед.

Михай не запомнил путь из покоев госпожи до своей комнаты. Всю дорогу он мог думать лишь о том, как она признала в нём избранного. Мысли, что она вселяет ужас, он гнал прочь. Это всё усталость и встреча со штимой. Только они виноваты, что он испугался госпожи.

– Северная башня, – сказала Жужанна, отворяя дверь и входя.

Михай нырнул за ней и ахнул – комната была больше общей в родительском доме и принадлежала только ему. Его взгляд упал на постель, которая – хоть и была меньше кровати госпожи – вселяла трепет. Он никогда бы не подумал, что будет жить в такой роскоши: два шкафа было заполнено книгами, на столе у окна лежали дорогие принадлежности для письма, в углу стояли резные часы, которые с их приходом отбили десять вечера.

– Ты меня слышишь? – Жужанна хлопнула его по плечу.

– Что вы сказали? – Михай повернулся к ней, покачав головой.

Она нахмурилась и усмехнулась.

– Я приду за тобой с утра. Никуда не уходи и жди меня. Понял?

– Что это за комната? – спросил Михай. – Кто здесь раньше жил?

– Это была моя комната. Давно... Теперь нет. Что-то ещё? – Жужанна хмыкнула.

– Почему вы не сказали, что дочь госпожи?

– Потому что я босоркани в первую очередь, а дочь – во вторую. – Она скрестила руки на груди. – Будь с ней осторожен. Она любит отличать людей, а когда они надоедают, избавляется от них. Даже от самых близких.

– Глупости какие-то. – Михай нахмурился. – Мне показалось, что она любит вас.

– Показалось. – Жужанна закатила глаза.

– Но она обращалась к вам Жужа. Это же ласково.

– Это чтобы показать моё место. Лаской там и не пахнет. И никогда её не было. – Она вздохнула. – Как ты себя чувствуешь?

– Нормально. – Михей махнул рукой. – Что это было в комнате госпожи? Я видел сияние вокруг неё...

– Видел? – Жужанна наклонила голову набок задумавшись. – А ты не перестаёшь удивлять. – Она усмехнулась. – Отдыхай. Обсудим всё завтра.

– Но...

Она развернулась и резко вышла, оставляя его одного.

Михей вздохнул и почувствовал, насколько устал. Встреча с госпожой выпила из него много сил. Хорошо бы, если Жужанна всё объяснила. Он потянулся и зазевал. Осмотреться в комнате он сможет и завтра, а сейчас неплохо бы поспать. Он быстро стянул с себя одежду, бросил её на пол и запрыгнул в постель. Кровать была невозможно мягкой, не чета его койке в родительском доме. Словно он оказался на перине, благословлённой Босорой. Он укутался в облако из подушек и одеял и тут же заснул.

Глава 4.

Михей резко проснулся и повертел головой, отгоняя остатки образов, которые не желали покидать разум. Ему снился сон, но всё, что он помнил из него, – глаза, всматривающиеся в него. В них была заключена злоба и боль. Михей зажмурился, глубоко вдохнул и сосчитал до десяти. После резко раскрыл глаза – видение исчезло. Он потянулся и огляделся – лучи рассветного солнца неловко пробивались из окон, освещая комнату. Михей встал с постели и оделся. Увидев на прикроватной тумбе графин с водой, он наполнил стакан и залпом, с жадностью истощённого путника, осушил его.

Он встал и осмотрелся, ожидая Жужанну. Ему хотелось найти хоть что-нибудь, что могло объяснить отношения между матерью и дочерью, но следы прошлой хозяйки исчезли. Комната была невзрачной и никому не принадлежавшей, как оставленная сирота, без роду и племени. Михей тоскливо вздохнул и уселся на кушетку, стоящую у окна. Он почувствовал, как что-то жёсткое впилося в его бедро. Вскочив, он стал вытаскивать мягкие подушки, чтобы найти причину неудобства. Предмет был зашит в подушку. Михей подбежал к столу, где лежал нож для писем и, схватив его, вернулся на место. С ловкостью, которой он подстригал овец, он распорол подушку и запустил пальцы внутрь. Он довольно улыбнулся, когда нащупал две деревянные дощечки, и потянул их на себя, вытаскивая на свет предмет. В руках у него оказалось две доски, между которыми лежали пожелтевшие листы бумаги. Михей провёл пальцами по обложке чёрного дерева, где была выжжена надпись «Дневник», и тут же открыл его. С листов на него смотрели красивые чернильные завитки аккуратного почерка. Тот, кто заполнял листы, был болезненно осторожен. Михей хотел начать чтение, но передумал – вряд ли тот, кто писал это, хотел быть обнаружен. Он спрятал дневник под подушку на постели, а после принялся убирать бардак, который устроил. Не хватало, чтобы Жужанна заметила, что он рыскал по комнате.

Дверь распахнулась ровно в тот момент, когда Михей взбивал ажурные подушки на кушетке. В проёме стояла Жужанна. Она сменила дорожный наряд и теперь была облачена в изумрудное платье по фигуре, которое придавало её лицу болотный и болезненный оттенок. Интересно, кто подбирал цвет платья? Неужели мать? Но чего она добивалась? Даже в нарядном платье Жужанна не сравнилась бы в красоте с ней. Волосы она собрала в высокий пучок, который заколола гребнем с тремя вытянутыми жемчужинами, напоминающими клыки дракона – единственная деталь, показывающая её принадлежность роду марежуда. Вырез платья снова обнажал шрамы от ожогов. Михей скривился, не понимая, зачем она это делала.

– Ты уже встал, – сказала Жужанна, подбоченившись. – Идём. Госпожа желает завтракать с тобой. – Она повернулась и пошла прочь из комнаты, не дожидаясь его.

Он поспешил за ней.

В дневном свете коридоры перестали казаться загадочными и пугающими, будто всю жуть, какую он чувствовал вчера, спешно спрятали. Жужанна повела его дорогой, отличавшейся от той, что они пришли вчера. Михей чувствовал, как голова кружилась от всех лестниц и коридоров. Он никогда не запомнит их. Поспевать за Жужанной было тяжело, казалось, что она не идёт, а скользит или парит. Настоящая ведьма. Он бросил на неё быстрый взгляд, которого она не ожидала, и заметил, что под глазами залегли тёмные тени, будто она не спала. Но больше его поразило, насколько босоркани была печальна. Сейчас он понял, что именно эту щемящую пустоту, она скрывает за нервным смехом. Сердце больно заныло. Разве имел он право осуждать её за внешний вид? Это же делало его не лучше досужих старух в Драгосте. Решив как-то отвлечь Жужанну от тоскливых мыслей, Михей спросил:

– Вы когда-нибудь вели дневник?

– Дневник? В котором плачутся обо всех печалях? – Жужанна вновь усмехнулась.

– В котором жизнь описывают...

– Жизнь? Но зачем это?

– Чтобы душу облегчить. У вас не было печалей, какие вы хотели бы вылить, чтобы забыть?

– Мне сложно что-то забывать...

– Значит, не вели?

– Глупости всё это.

Михей нахмурился – не хочет отвечать прямо. Возможно, в своей находке он узнает причину всех её печалей. Раз она не признаётся, что вела его, то нет же ничего плохого, чтобы взять и прочитать дневник? Может быть, она специально оставила его, чтобы он нашёл и узнал все секреты.

– Ты хоть обучен грамоте? – спросила Жужанна.

– Да, я ходил в школу при храме.

– А в университет не хотел поступить?

– Какой университет? Госпожа бы не позволила... – Михей пожал плечами. – Но, может, оно и к лучшему... Вон, где теперь я...

– Я бы не обольщалась. – Жужанна вновь резко повернула, сменив направление. Кажется, ей не нужно было задумываться, куда идти, ноги сами вели её. – Волчья участь – это тягостное бремя.

– Почему?

Она неопределённо пожала плечами и покачала головой.

– Тебе всегда будет грозить опасность, – медленно, задумываясь над каждым словом, ответила она. – Настоящая опасность. – Она нахмурилась, что придало её лицу неприятную строгость.

– Я ничего не боюсь. – Выставил Михей грудь вперёд.

– Зря... Это глупо... Все чего-то боятся.

– Даже госпожа Эржебет?

– Особенно госпожа Эржебет. – Жужанна усмехнулась и прибавила шаг.

– И чего же боится госпожа?

– Потерять власть.

– Она же марежуд. Как она может этого бояться?

Жужанна усмехнулась и ничего не ответила. Она снова убегала от разговора. Михей вздохнул – обычно все были готовы открыть ему душу, поделиться своими печалью. Но Жужанна была совсем не такой, отличаясь от всех, кого он знал.

– Мы пришли, – подытожила она, когда они оказались в огромном обеденном зале.

Во главе длинного дубового стола восседала госпожа Эржебет. На ней было богатое бархатное красное платье, плотно облегающее каждый изгиб тела. Оно с трудом прикрывало налитые и упругие груди. Ложбинка между ними призывно смотрела на него. Верх платья был отделан квадратным воротником, стоящим колом, будто его плели не из накрахмаленных кружев, а из серебряных прутьев. Роскошные волосы волнами ниспадали на спину. Губы горели ярко-красным, что бурно выделялось на белой коже, а глаза были густо подведены чёрным. Она напоминала хищницу, и чем дольше Михей смотрел на неё, тем сильнее увязал в её когтях. Разве такая дикая и необузданная женщина могла бояться потерять власть? Она была её воплощением.

– Как я рада, что вы присоединились ко мне, – сказала госпожа. – Присаживайтесь. Вот сюда, Михей, – она указала на место справа от себя, – а ты, Жужа, вот сюда, – махнула налево.

Михей послушно сел, Жужанна с неохотой подчинилась.

Стол был завален всевозможными угощениями. От плошек с закусками, сырами и мясом у Михея кружилась голова. В нос ударило множество запахов – солёные, пряные, сладкие, острые и кислые. Буйство вкусов глядело на него, вождедея его внимания. Он с трудом сдержи-

вался, чтобы не накинуться на еду. Слуга, безропотная тень, подошёл сбоку и наполнил его бокал.

– Вино? Утром? – спросила презрительно Жужанна. – Не рановато, госпожа?

– Жужа, мы празднуем приезд Михея, – госпожа Эржебет бросила на неё хищный взгляд, полный недовольства. – Не каждый день находится волчий отрок.

– Действительно, – сказала она, отхлебнула воды и скривилась – будто в стакане была отрава.

– Михей, не обращай внимания на Жужу. Она вечно всем недовольна. – Эржебет улыбнулась ему. – Не сдерживайся и отведай с моего стола, а после поговорим.

Михея не нужно было просить дважды. Он, сохраняя приличия, которым его обучила мать, наполнил тарелку мясной подливкой, овечьим сыром и хлебом. Жужанна взяла яйцо и вяло прокатила по столу надавливая. Оно покрылось трещинами, которые с каждым движением расплзались всё больше, превращаясь в паутину. Госпожа Эржебет надменно смотрела на это, потягивая вино.

– Почему вы не едите, госпожа? – спросил Михей.

– Я ем. – Она хитро улыбнулась. – Не беспокойся. Люблю смотреть на людей с хорошим аппетитом.

Михей смутился и опустил голову.

– Что ты. Тебе не нужно стесняться. Ты молод, силен и здоров. Конечно, тебе нужно много энергии. Ты порадуешь меня, если не будешь сдерживаться. – Её глаза впились в него, заворачивая.

Михей увидел, как вокруг неё проступил тёмный ореол, медленно расплзающийся. Он нахмурился, чувствуя сопротивление сиянию. Оно наступало на него, требуя подчиниться. Михей сглотнул, не понимая, чего боится. Разве не правильнее отдалиться ему? Сияние окутало его и подавило волю. Михей схватил кусок мяса руками и жадно впился зубами. Подливка медленно стекала по подбородку и жирным пальцам. Баранина, приправленная розмарином, отправляла прямиком к Босоре – настолько божественный был у неё вкус. Михей зажмурился и застонал от удовольствия.

– Так-то лучше. Продолжай.

Госпожа улыбнулась ему. Михей замер, нахмурился – сияние перешло на него, но сторонилось Жужанну. Что это такое? В нос ударил резкий запах гниющих слив. Он покачал головой и бросил взгляд на испачканные руки – как он мог позволить себе опуститься до этого? Мать его не этому учила. Он потянулся к льняному полотенцу и протёр руки. Сияние отступило и замерло.

– Михей, почему ты остановился? – спросила госпожа и отхлебнула. – Не хочешь порадовать госпожу?

– Что это вокруг вас?

– О чём ты? – Она нахмурилась.

– Я вижу тёмное сияние вокруг вас, которое пыталось поглотить меня. Это странно. – Он опустил голову и отодвинул тарелку.

– Ты, правда, это видишь? – вмешалась в разговор Жужанна и отложила яйцо, что мучила всё это время.

Михей посмотрел на неё – она выглядела на удивление заинтересованной и немного возбуждённой. На лице проступил лёгкий румянец.

– Да, вижу.

– Глупости какие-то. – Госпожа скрестила руки на груди. – Как он может видеть мою фортуну? Даже босоркани её не видят без заклятий.

– И часто ты видишь сияние, Михей? – Жужанна скрестила пальцы в замок и положила голову на них, подавшись вперёд.

– Когда пас стадо, я так отыскивал вещую овечку. Ещё видел у подземного озера и у госпожи вчера. – Он задумался. – На реке...

– Это объясняет, почему он так быстро восстановился после штимы...

– Так я особенный? Я знал. – Михей ударил по столу.

– Я бы не спешила с выводами, – заметила Жужанна.

– Полно, Жужа...

Госпожа запнулась – дверь в зал отворилась, и на пороге появился неизвестный мужчина, в сопровождении Марчела и Киры. Незнакомец был высоким, ростом с капитана, и статным. Он был смуглым, с тёмными курчавыми волосами и практически чёрными глазами. На нём были доспехи с изображением луны и синий плащ, укрывающий его, на поясе висел ятаган. Василе упоминал о таких мечях в рассказах о войне с Девлетом, в которой он участвовал. Незнакомец совсем не походил на простого посыльного.

Всё внимание госпожи перешло на пришедших.

– Как это понимать? – грозно, обращаясь к Марчелу, спросила она. – С каких пор девлетцы появляются в моём замке без приглашения? Марчел?

– Простите, госпожа Эржебет. – Марчел смотрел прямо, во взгляде не было и намёка на извинения. – Гонец прибыл из самого Девлета с письмом от султана.

– Письмом? – Она посмотрела на посыльного. – Ну, и где оно?

Посыльный поклонился и подошёл к госпоже. Она протянула руку, он вложил в него письмо. Разорвав конверт, она быстро пробежалась по тексту. С каждым новым словом Эржебет хмурилась всё сильнее. Михей почувствовал напряжение, повисшее в воздухе. Спокойно ситуацию воспринимала только Кира, которая с любопытством окидывала присутствующих. Она явно не думала, что кто-то может за ней следить. Встретившись взглядом с ним, она фыркнула, смеясь одними глазами. Михей посмотрел на Жужанну, ища в ней поддержку, но она вновь вернулась к злосчастному яйцу. Как можно столько мучить его? Неблагодарная тварь... Михей осёкся и заметил, как тёмное сияние вновь окутало его. Нельзя терять голову. Нельзя! Что-то внутри него поддержало этот порыв.

Посыльный, стоя навывтяжку, ожидал, когда госпожа дочитает. Михею показалось, что он смотрит на госпожу нагло, без должного почтения, будто даже раздевает её глазами, что смотрелось дико вместе с напряжённой позой. Он сразу же вспыхнул к нему ненавистью. Как вообще такое возможно? Что Девлет себе позволяет?.. Михей покачал головой. Может это не его чувства, а госпожи? Как вообще работает форта? А сила лидера?

– Значит, султан хочет прислать своего поверенного, чтобы обсудить наше перемирие? Но зачем? – Госпожа внимательно смотрела на посыльного. – Мы не вмешиваемся в дела других жудецов. Залесье не поднимает Седмиградье против султана и не откликается на просьбы императора Маттиаса. Мы зажаты между Империей и Седмиградьем, но никому не служим. Я не пытаюсь вернуть себе жудецы. Всё, как я договаривалась с отцом Селима. Что не так?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.